

3. Социальные противоречия и социально-психологические координаты советского общества. Обсуждение проекта Конституции 1977 г.

Существовавшее в 70-е гг. относительное социальное равновесие обеспечивало основным слоям общества медленное, но неуклонное «повышение их жизненного уровня». Но к концу 70-х гг. резервы системы были исчерпаны, стала нарастать внутренняя напряженность. Сотрудничающие до сих пор социальные силы стали постепенно превращаться в антагонистов. Стратегия правящего слоя заключалась в сдерживании этого процесса, в согласовании интересов различных социальных групп.

Чрезвычайно многое в этих условиях зависело от стабильности стиля руководства, гарантируемого правящей олигархией.

На посту руководителя правящей партии (Генеральный секретарь ЦК КПСС — с 1964 г.) и государства (Председатель Президиума Верховного Совета СССР — с 1977 г.) находился Леонид Брежнев — типичный представитель своего поколения государственных руководителей. Их молодость пришлась на 20-е гг. — нэп, изобилие на прилавках и пустота в карманах, партийные дискуссии, в которых побеждает тот, кто менее остроумен и более осторожен. Это время воспитало в них классическое мещанство — жажду сладкой жизни, спокойствия и нетерпение к творчеству, нетривиальности.

Затем это поколение государственных мужей было просеяно через сталинские чистки, ужаснулось, поглядев в зеркало хрущевских разоблачений и мысленно дало себе клятву: воздерживаться от расправ в правящей элите — машину репрессий трудно остановить. Они пришли к власти в возрасте под шестьдесят с твердым намерением насладиться жизнью и покоем. Им повезло — страна ждала того же — покоя и доброго, не импульсивного царя-батюшку.

Брежнев оправдал надежды. Стиль его руководства исходил из трех главных принципов: стабилизировать кадры, не трогать тех, кто не трогает тебя, обеспечить постепенный рост жизненного уровня населения (о котором руководители КПСС имели лишь приблизительное представление). Брежнев старался поддержать согласие между всеми уровнями элиты, что выражалось в своеобразном «демократизме». В.Печенев, один из составителей речей Генсека, вспоминает о его встрече с чиновниками: «Л.И.Брежнев вдруг спросил присутствующих: «Ну как Горбачев, не зазнался после того, как мы его в Политбюро избрали?» На что Г.Артапов — старый, бессменный член «брежневской команды», главный составитель внутриэкономических разделов его речей — под общий рокот одобрения ответил: «Нет, Леонид Ильич, пока он ведет себя демократично, не жалуемся!» — «Ну что ж, это хорошо», — довольно промолвил Брежнев»⁷².

Брежнев здесь — покровитель маленьких (в сравнении с членами Политбюро) людей, мнение коих, доказавших свою надежность за долгие годы, может сыграть не последнюю роль в судьбе нового «вождя». Главное

для Брежнева — надежность, устойчивость, неагрессивность. Тот же «тактичный» стиль отличал и государственный курс брежневского руководства — не трогать старого, «проверенного», сохранять равновесие во всем, давать всем необходимый минимум, чтобы никто не покушался на максимум, положенный сильным мира сего. Ключевой социальной характеристикой оставался статус. Отсюда пристрастие к «наградам Родины» и публикациям «литературных» и «публицистических» трудов, написанных референтами. Все это, казалось, придавало «дополнительный вес». Пример здесь подавал сам Генсек.

Социальные интересы элит должны были постоянно согласовываться для поддержания баланса. Центрами такого согласования были высшие органы партийной и государственной власти — Политбюро и Секретариат Центрального комитета, Верховный совет, Совет министров и их «подразделения». Реальные решения принимались не в коллегиальных органах, а в «подразделениях» — комитетах, отделах, министерствах. Они «готовили» решения, согласовывали их с заинтересованными слоями бюрократии. Часто эти решения инициировали снизу — с уровня предприятий, местных партийных комитетов и советов. В центре считалось важным подкрепить проект «записками» региональных и отраслевых организаций в поддержку решения. Даже если поток таких «записок» инициировался снизу, он отражал мнение соответствующего слоя правящей элиты. Механизм обратной связи в ее верхнем эшелоне был отлажен хорошо (см. Главу V). Отделы ЦК и важнейшие государственные структуры, представленные в Политбюро, были относительно самостоятельны в своей текущей работе. Их предложения согласовывались в рабочем порядке и затем оформлялись как решения Политбюро и ЦК. В важнейших случаях решения принимал узкий круг наиболее влиятельных членов Политбюро, в который входили Генеральный секретарь Л.Брежнев, секретарь ЦК, отвечавший за идеологическую стабильность, «человек № 2» в Политбюро М.Суслов, председатель КГБ Ю.Андропов, министр обороны Д.Устинов, часто — секретарь ЦК, глава общего отдела К.Черненко, председатель Совета министров А.Косыгин, министр иностранных дел А.Громыко.

Коллегиальные органы играли важную роль как место встречи заинтересованных сторон. Кулуары пленумов и сессий играли в СССР не меньшую роль, чем парламентские и партийные кулуары в других странах мира. Общение начиналось уже в преддверии заседания. «Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались в засос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились “новостями”: о снеге, о видах на урожай, словом, шел партийный толк между своими, чувствующими себя хозяевами жизни», — вспоминает об одном из пленумов ЦК А.Черняев⁷³.

Социально-политическое равновесие, установившееся во второй половине 60-х гг., не было результатом монолитности правящего слоя. В рамках правящего класса все более явственно выделялись социальные группы, связанные с различными социально-психологическими стереотипами и социально-экономическими интересами. Как уже говорилось, чиновничество можно условно разделить по отношению к возможным переменам на «кон-

серваторов», «пуритан» и «реформистов». Другой принцип образования коалиций в недрах номенклатуры определялся экономическими корпоративными интересами (ВПК и хозяйственники, «ведомственный» и «местнический» интерес, бюрократия и директорат). По мере ослабления и распада клана председателя Совета министров А.Косыгина в недрах победившей коалиции Л.Брежнева стали формироваться новые противостоящие коалиции — «ведомственная» (руководство ВПК, большинство отраслевых министерств, меньшая часть региональных элит) и «местническая» или регионалистская (региональные элиты, аграрная элита, большая часть директората). Реформа 1965 г. и успехи в гонке вооружений обеспечили длительное доминирование в 1965—1985 гг. ведомственной коалиции, в которой преобладали «консерваторы», хотя имели влияние и «пуритане». До 1978 г. хозяйственная бюрократия, группировавшаяся вокруг председателя Совета министров А.Косыгина, противостояла военной бюрократии, имевшей приоритет в распределении ресурсов. По мере ослабления клана Косыгина в 1978—1980 гг. Хозяйственная бюрократия становилась более лояльна господствующему центру, и ведомственно-местнические противоречия проступали более рельефно.

Аграрии и сырьевики были недовольны установленными под давлением их оппонентов ценами и нормами распределения ресурсов и средств, директора были недовольны вышестоящими инстанциями, «сковывающими» их инициативу, не выделяющих достаточных ресурсов для необходимой модернизации производства и других проектов. «Местническая» коалиция была заинтересована в возвращении разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьера научно-технической революции (НТР) — советского обозначения позднеиндустриальной модернизации. Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов — сами эти долги коммунистические «помещики» считали результатом несправедливого распределения средств.

Постепенное накопление противоречий между отраслевой бюрократией и директоратом, неудачи во внешней политике, связанные с влиянием «ястребов» в советском руководстве — все это подтачивало влияние «отраслевой» коалиции. К тому же «пуританское» ядро, включавшее в свой состав немало «ястребов» ВПК, как мы увидим, воспринимало будущих сторонников разоружения в качестве своих союзников, исходя из их прежней лояльности. Промышленно-хозяйственная бюрократия, прежде пытавшаяся осторожно противостоять как ВПК, так и партаппарату, по-прежнему была настроена в отношении «местнического» (прежде всего аграрного) лобби более настроенно.

КПСС строилась по территориальному принципу, и влияние региональных групп в ней было велико. До поры вес Политбюро и Секретариата, где доминировали «отраслевники», перевешивал влияние регионального лобби в ЦК и обкомах. Но время работало на «местные кадры», прежде всего на аграриев. Это было связано с порядком подбора кадров при Брежневе. «Считалось, — вспоминает М.Горбачев, — что поскольку партия отвечает за экономику, за жизнь страны в целом, руководителем крупного региона

должен быть человек, специальность которого связана с народным хозяйством. Примечательно, что многие из первых секретарей — и по опыту работы, и по образованию — являлись аграрниками. И это была не только дань традиции (до недавнего времени с землей связывалась жизнь основной массы населения), в большинстве регионов аграрный сектор занимал преобладающее или очень важное положение»⁷⁴. Усиление аграрного лобби на уровне обкомов влекло за собой ту же тенденцию и в других сферах: «Даже в тех случаях, когда предприятие или институт подчинялись союзному министерству, министр не мог обойти первого секретаря и назначить кого-либо без его ведома. Исключение составляли разве что предприятия оборонного комплекса — этого “государства в государстве”⁷⁵. По мере продвижения кадров снизу перевес отраслевиков, достигнутый во второй половине 60-х гг., становился все менее надежным. Аграрная элита, тесно связанная с районным партийным звеном, брала под контроль обкомы и постепенно выдвигалась в авангард «местнической коалиции», увлекая за собой часть директората. «Помещики» оказывались в авангарде борьбы «промышленников» против центральной бюрократии. Это выглядит парадоксально, но тем не менее не является особенностью Перестройки. Так, например, в Великобритании XVII в. «новые помещики» возглавили «буржуазную» коалицию, которая совершила революцию.

Во второй половине 70-х гг. в СССР стало формироваться реформистское ядро, опирающееся на значительную, а затем и преобладающую часть региональной элиты и директората. Но пока реформизм развивался в недрах более широкой «пуританской» коалиции, включавшей также лидеров ВПК и силовых ведомств. Действия «пуритан» были направлены против ряда региональных консервативных кланов. Это замедляло консолидацию реформистской «местнической» коалиции, но в конечном итоге способствовало ей, так как «пуритане» устраняли конкурентов «реформистов» в борьбе за влияние на региональные элиты (см. Главу V).

Усиление позиций «местнической коалиции» шло по мере обновления кадров. Но при Брежневе этот процесс протекал крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшее политике осторожного Брежнева, привела к тому, что поводом к замещению поста становились как правило лишь смерть или старческие психические отклонения чиновника, занимавшего этот пост ранее. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе. «Застой» в карьерном продвижении парализовывал и другие механизмы бюрократического общества — в том числе бюрократическую экономику. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. Накопление недовольства против стариков, занимавших высшие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

Апогеем брежневского равновесия стало принятие новой Конституции СССР 7 октября 1977 г. Год принятия основного закона, который должен был подчеркнуть этапность достигнутых при Брежневе успехов, было выбрано не случайно. К этому времени старые противоречия в руководстве были улажены, прежние претенденты на высшую власть удалены, СССР добился заметных экономических и внешнеполитических успехов. Во многих отношениях 1977 год можно назвать временем апогея периода равновесия в СССР. Режим вошел в стадию социальной интеграции. Она выражалась в стабильности социальных отношений, компромиссном стиле руководства, стремлении избегать конфликтов как внутри, так и вне страны и даже относительной терпимости к диссидентам. Фасад новой Конституции был призван подчеркнуть завершенность эпохи «борьбы» и возникновение «общенародного государства» (вызывающе антимарксистский тезис) как надстройки над «реальным социализмом» (промежуточная станция, призванная заменить отодвинувшийся в неведомые дали коммунизм).

Партийные юристы понимали, что строят фасад, идеальную конструкцию, во многом рассчитанную на импорт. Отсюда — последовательный демократизм многоступенчатой парламентской системы, ответственное правительство, тщательное перечисление гражданских и социальных прав. Возможно, участвовавшие в написании проекта шестидесятники надеялись, что рассчитанная на долгую жизнь Конституция станет воспитательным фактором и усилит правовой элемент в обществе и государстве. «На всякий случай» 6 статья документа закрепляла «руководящую и направляющую роль» КПСС, но это положение, которое через десятилетие сконцентрирует на себе гнев оппозиции, воспринималось, скорее, как констатация данности.

Обсуждение проекта Конституции превратилось в триумфальное шествие своеобразной коммунистической демократии. По всей стране были проведены открытые партийные собрания, на которых в большинстве своем высказывались рядовые коммунисты и даже беспартийные. Широкие партийные массы подошли к вопросу практически. Конституция воспринималась как документ прямого действия, и поэтому на партийных собраниях постоянно предлагали внести норму о наказании виновных в нарушении тех или иных положений (об обязанности заниматься воспитанием своих детей, праве на критику, охране природы, националистической пропаганде и использовании общественной собственности в корыстных целях), часты были требования введения в конституцию конкретных норм права (например, преследования за клевету)⁷⁶. Словно обобщая эти предложения, рабочий совхоза К.Тадевосян предложил внести в ст. 4 такое положение: «Должностные лица, не соблюдающие Конституцию СССР, освобождаются от занимаемой должности и привлекаются к ответственности»⁷⁷. Это предложение предвосхитило требование оппозиции 80-х гг. о прямом действии конституционных норм.

Обсуждение проекта Конституции на партсобраниях обозначило границы советского плюрализма конца 70-х гг. В экономической области в центре внимания остается проблема соотношения хозрасчета и планирования. Предложения закрепить в конституции хозрасчет были типичны. За 10 дней

10—20 июля было высказано 64 таких предложений⁷⁸. «Работа предприятий, объединений и организаций оценивается по конечному результату их деятельности», — предлагает уточнить ст. 15 заведующий планово-экономическим отделом издательства «Штинца» А.Финштейн⁷⁹ (всего за время обсуждения проекта было высказано 35 аналогичных предложений)⁸⁰. Директор И.Яшкин выступает за расширение прав предприятий⁸¹. Начальник цеха Н.Калиев требует закрепить взаимную ответственность предприятий за поставки продукции⁸² (всего высказано 249 аналогичных предложений)⁸³. И.о. главного инженера Н.Керпелевич в той же статье считает необходимым упомянуть научность планирования⁸⁴. По мнению 74 коммунистов после утверждения план не должен изменяться⁸⁵. При этом академическая общественность настаивает на том, чтобы при составлении «научных» планов все-таки учитывались рекомендации академической науки⁸⁶. Эти предложения не противоречили друг другу, так как хозрасчет считался совместимым с научным экономическим планированием из центра. Но сами предложения показывают, за какую корректировку хозяйственного механизма выступали коммунисты, стремившиеся к переменам. Это была модель плановой рыночной экономики с четким соблюдением взаимных обязательств и оплатой «по конечному результату».

Предвосхищая будущие эксперименты в области производственного самоуправления, преподаватель Г.Бондаренко предлагает наделить коллективы не абстрактными, а конкретными правами: «Коллективы предприятий, общественные организации вносят предложения, участвуют в управлении предприятиями и объединениями, в решении вопросов организации труда и быта, повышении качества продукции»⁸⁷.

С высоты своего опыта коммунист с 1925 г. И.Маслов предлагал гарантировать свободу хозяйствования колхозам⁸⁸. Следует множество предложений уточнить размеры личной собственности (в том числе на землю) либо с целью ограничения, либо — поощрения и расширения⁸⁹. Одновременно выдвигались и требования к колхозникам эффективно обрабатывать землю (842 предложения за декаду)⁹⁰, не оставлять «ни одной пяди земли» необработанной, что могло подразумевать передачу пустующих земель в личное пользование⁹¹. Зоотехник Х.Адуллаев идет еще дальше и предлагает такую конституционную формулировку: «Государство и колхозы оказывают гражданам помощь в содержании скота в личном пользовании»⁹². «Аграрные прения» в парторганизациях приводят к тому, что даже на одном листе сводки рядом стоят предложения, продиктованные почти противоположными интересами: «Сверхнормативное содержание скота в личном хозяйстве считается средством наживы и преследуется законом», — предлагает директор совхоза Бороздов. «Государство и колхозы оказывают помощь населению страны в содержании скота в личном пользовании», — отстаивает права мелких хозяев пенсионер Н.Павлий⁹³. Эту помощь, в том числе горожанам, должны организовать местные советы (53 предложения за декаду)⁹⁴. Защита личной собственности шла и на теоретическом уровне — в письме в «Правду» доктор экономических наук Г.Шмелев настаивал на ее

социалистическом характере, ссылаясь при этом на опыт Восточной Европы⁹⁵.

Участники обсуждения настойчиво требуют разъяснить термин «нетрудовые доходы», попавший в проект⁹⁶. Возможно, это было вызвано опасениями расширительного толкования этого двусмысленного выражения. Встречаются требования наряду с прочими тайнами гарантировать и тайну вкладов⁹⁷. Но преобладало неприятие имущественного расслоения — здесь рядовые партийцы лишь отражали общенародное настроение. Так, например, предлагалось установить контроль Советов за доходами граждан, «состояние которых свидетельствует о явно незаконных действиях»⁹⁸.

В обсуждении уже прорастает и будущая борьба за сельскохозяйственные предприятия, которая потом вызовет конфликты в верхах КПСС и серию реформ: председатель Глобинского райисполкома В. Литвиненко предлагает закрепить в Конституции «органическое единство агропромышленного комплекса»⁹⁹. Только за десять дней июля было высказано 21 подобное предложение¹⁰⁰. Аграрное лобби выступает против промышленников и по другому поводу — требует ответственности руководителей предприятий за рекультивацию земель (82 предложения за декаду)¹⁰¹.

Политический плюрализм хотя и не был связан с существованием социальных лобби, как экономический, но тоже был значительным. Выдвигались демократические требования выдвижения двух кандидатур при голосовании, ограничения права избрания двумя сроками¹⁰² — преддверие реформ 1986—1988 гг. Выдвигаются и предложения, в которых упоминается необходимость борьбы с бюрократизмом. Характерно, что одно из них сформулировал председатель парткома КГБ Черепанов: «Лица, нарушающие установленный законом порядок и сроки рассмотрения писем трудящихся, допускающие при этом волокиту и бюрократизм, либо преследующие за объективную критику, привлекаются к ответственности по закону» (325 аналогичных предложений за декаду)¹⁰³. «Пуритане» еще верили, что удержат монополию на право определять, какая критика является объективной, а какая деятельность — бюрократической.

Часто предлагалось ограничить возраст пребывания на государственных должностях возрастом, например, 60 лет¹⁰⁴ — коммунистам начинала надоедать геронтократическая стабилизация кадров. С другой стороны, встречается требование закрепить в Конституции совмещение постов Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного совета СССР (всего 201 предложение)¹⁰⁵. Опередив историю на 13 лет, ветеран войны В. Богданов предложил сделать Генерального секретаря ЦК КПСС Президентом СССР¹⁰⁶.

Бурно обсуждались такие политические вопросы, как продолжительность депутатских полномочий, форма голосования, минимальный возраст депутата¹⁰⁷. Особенно активно выступали против допуска к власти молодежи.

Ортодоксальная часть партийной массы выступает за необратимое лишение гражданства тех, кто добровольно покинул страну — 185 предложений¹⁰⁸.

Немало было выступлений против пьянства и алкоголизма (159 предложений за декаду)¹⁰⁹.

Обсуждалась и новая 6-я статья о руководящей роли КПСС. Часть выступавших стремилась дополнить формальное закрепление государственного статуса партии некоторыми обязанностями «авангарда советского народа». Профработник В.Набокин предлагал вписать норму, по которой «КПСС существует для народа и защищает интересы народа»¹¹⁰ (всего было высказано 26 аналогичных предложений)¹¹¹. А если не защищает? В 1977 г. такой вопрос мог задать только диссидент. А через двенадцать лет — любой человек. Но уже в 1977 г. некоторые общественно активные беспартийные, не принадлежавшие к диссидентскому движению, считали статью 6 излишней. Так, читатель «Известий» Краморенко предлагал: «Статью 6 исключить из проекта, так как по истечении более чем полувека в СССР изменилось соотношение сил, классовой борьбы не существует, трудящиеся достаточно грамотны для самоуправления, поэтому сверхгосударственной руководящей силы не требуется»¹¹².

Но в целом диапазон мнений на партсобраниях соответствует взглядам авторов писем в редакции газет во время обсуждения проекта Конституции¹¹³. В это время партийная масса отличалась лишь несколько большей ортодоксальностью от общественно активных граждан. Значительная часть более скептически настроенных людей отмалчивалась, не надеясь, что их мнение будет услышано. Мобилизация этой скептической, но вместе с тем относительно оппозиционно мыслящей части общества произойдет (и то отчасти) лишь во второй половине 80-х гг. А пока партия оставалась практически единственной ареной легальной общественной жизни, полем для лоббирования интересов социальных групп, лишь частично состоящих из коммунистов. Давление со стороны разнообразных страт вызывало противоречия и трения не только среди рядовых коммунистов, но и в номенклатурных «верхах». Во время обсуждения проекта Конституции «верхи» не склонны были вносить в свой проект существенные коррективы, но тщательно фиксировали предложения и учитывали их при подготовке законодательных актов и партийных постановлений. Но каждый такой акт должен был быть согласован прежде всего с учетом интересов различных фракций правящей элиты, а уже потом — остальной части общества.

Противоречия в правящей элите имели и важную социально-экономическую подкладку — порядок доступа к собственности и власти. Стремление директората и нижних этажей бюрократии к независимости от вышестоящих инстанций было обратной стороной стремления номенклатуры к преодолению отчуждения от собственности. Народное хозяйство страны находилось в коллективном распоряжении правящего класса, но не принадлежало никому конкретно, не давало возможности «полноправно» пользоваться плодами экономики. Получение номенклатурных привилегий и благ регламентировалось множеством иерархических правил, и значительная часть чиновников считала, что получает свою долю не в соответствии с собственными талантами. Официально на содержание органов власти и управления в первой половине 80-х гг. уходила относительно скромная

сумма в 3 миллиарда рублей, то есть менее процента расходов бюджета¹¹⁴. Перспектива карьеры еще давала надежду дождаться своего времени, когда доля привилегий будет значительно выше средней. Но карьерная стагнация брежневского времени подрывала эти надежды и заставляла задуматься о возможности приобщиться к плодам «своего» участка экономики уже сейчас, воплотить в реальность широкие потенциальные возможности, предоставляемые для коррупции системой бюрократического рынка. «Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более “тонкие” — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»¹¹⁵, — со знанием дела пишет М.Горбачев. Кадровая стагнация способствовала сращиванию бюрократии с определенными участками экономики, которые тот или иной чиновник контролировал в течении многих лет. Такое положение способствовало усилению нелегальных распределительных механизмов, постепенно формировавшихся в «пирамиды» коррупции и нелегального бизнеса. По мнению В.Шубкина, «полулегальные связи и отношения оказываются питательной средой для возникновения преступных групп. Тень создает свою экономику, теньевую экономику»¹¹⁶.

Интервью с представителями «теневого» бизнеса показывают, что современная организованная преступность возникла в СССР именно при Брежневе¹¹⁷. В 70-е гг. теневой капитал, который в условиях запрета частной собственности мог быть единственной формой частного бизнеса, сформировал специфическую социальную систему, состоящую из теневой буржуазии и контролирующей ее мафии. Подобно альтернативному государству, она надстроилась над теневым капиталом, не имевшим возможности апеллировать к правоохранительным органам. Российская криминальная система «воры в законе» в начале 70-х гг. приняла идеи одного из своих авторитетов А.Черкасова и согласилась со смягчением запретов на контакт с институтами власти ради возможности, получив «крышу», сосредоточиться на устойчивой эксплуатации теневиков. Фактически это означало признание правоты «сук», к этому времени в основном разгромленных. «Цеховики» (хозяева подпольных цехов) иногда сопротивлялись. После серии столкновений бандиты вынуждены были пригласить на сходку в Кисловодск представителей «цеховиков» и договориться о норме отчисления в свою пользу, которую цеховики готовы были терпеть¹¹⁸. Таким образом, между подпольным бизнесом и рэкетирами установились феодальные отношения. Цеховики и торговцы даже искали рэкетиров, способных охранять их от других рэкетиров. В некоторых случаях бандиты оказались на службе у сильных теневиков, в некоторых — интегрировались в бизнес в качестве его руководителей. Феодальные отношения постепенно вытеснялись капиталистическими — теневым сектором догонял социум. Но психологические стереотипы влиятельных в теневом бизнесе людей оставались во многом отсталыми, полуфеодальными. Когда криминальный капитал выйдет из тени, это заметно повлияет на менталитет новой властной элиты.

После ослабления «воров в законе» в ходе так называемой «сучьей войны» 40-х—60-х гг. в криминальном мире усилились «южные» кланы. Это

было связано также с тем, что мафиозные структуры южных регионов могли у себя дома опираться на институты традиционного общества и более развитый индивидуальный бизнес в сфере услуг и выращивания южных сельскохозяйственных культур. Сплоченные и «богатые» преступные кланы с юга постепенно расширяли свою сферу влияния на север. Это создавало обстановку нестабильности в криминализованном секторе, контрастировавшую со спокойным ритмом страны в целом.

Наиболее уверенно чувствовала себя теневая торговая система, имевшая «крышу» в высшем государственном руководстве. Руководители магазинов и торгов контролировали движение дефицита и «списывали» часть реально проданного продукта по нормам «естественной убыли», предусмотренной в экономике, где все гнило и усыхало. В результате получалась солидная «доплата» за оперативность и качество работы. Этой «левой» выручкой делились с вышестоящим руководством. Масштабы такой системы выяснить сегодня трудно, поскольку позднее власти проводили расследование этой деятельности с грубыми нарушениями закона, опираясь скорее на социологическую схему всеобщего поглощения торговой сети преступными пирамидами.

Паразитируя на государственном и индивидуальном хозяйстве, криминальный капитал (симбиоз мафии, теневого бизнеса и коррумпированных чиновников), этот второй после бюрократии эксплуататорский слой СССР, небезуспешно конкурировал с чиновничеством и располагал достаточными средствами, чтобы ставить все большее количество чиновников под свой контроль с помощью механизма коррупции¹¹⁹. Постепенно теневая экономика и коррупция захватывала целые отрасли и территории. Работать здесь без использования «теневых» методов становилось практически невозможно. Рассказывает следователь по особо важным делам В.Олейник: «Я процитирую кое-что из показаний бывшего заместителя директора торгового гастронома Л.Лаврова. Он перечислил 16 пунктов неизбежных “расходов директора”: за разгрузку продуктов, рубщикам мяса, за уборку магазина и еще за многие работы, без которых магазин не может функционировать, но которые никаким счетами не предусмотрены и штатными единицами не обеспечены. Ну представьте себе кристально честного человека в роли директора магазина. Чем платить? Откуда брать деньги? Из своего кармана — не хватит. Не подумайте, что я вдруг занял позицию адвоката. Нет, в тех же 16 пунктах предусмотрены взятки вышестоящим за фонды, контролерам за снисходительность и так далее»¹²⁰.

В конце 70-х гг. коррупция приняла массовый характер не только в южных республиках. Тысячи врачей, продавцов, работников сервиса получали «дополнительную оплату» своих услуг, «отстегивая» долю вышестоящей «крыше» — руководству, позволявшему развиваться новым общественным отношениям. Описывая подобные случаи, один из читателей «Известий» резюмировал: «У определенной прослойки людей сосредотачиваются выпадающие из оборота громадные денежные средства...»¹²¹ Пройдут годы, и эти средства будут пушены в оборот. Упомянутое письмо было включено с сек-

ретную сводку ЦК и, возможно, стало одним из сигналов, формировавших взгляды высших руководителей партии.

Партийное руководство иногда давало понять, что разделяет народное неудовлетворение состоянием дел в торговле. Во время обсуждения проекта Конституции СССР выяснилось, что из ст. 24, где перечислялись отрасли сферы обслуживания, торговля выпала. Работники торговли предложили исправить это «недоразумение»¹²². В окончательном тексте торговля заняла «свое» место. Пока бюрократия придерживалась линии на компромисс с конкурентом.

«Теневая экономика» и коррупция превращалась в систему, в которой «инородное тело» просто не могло бы существовать¹²³. Это не значит, что все работники торговли в Москве или все хлопкоробы в Узбекистане прямо нарушали закон. Сама двусмысленность закона создавала «серую зону права», в которой одно и то же действие могло рассматриваться как законное и незаконное. Пока человек вел себя в соответствии с предусмотренными правилами игры, на его нарушения смотрели сквозь пальцы — иначе работать было бы просто невозможно. Участники «дела», не нарушавшие закон сами, покрывали прямых преступников.

Такое положение все меньше устраивало лидеров бюрократии, которые не без оснований опасались, что правящая элита может оказаться под контролем нового эксплуататорского слоя. С этим связано наступление на коррупцию, начавшееся в конце 70-х гг.

Борьба вокруг «серой зоны права» велась и на другом направлении. Стабильность была привилегией бюрократии, но плодами «уверенности в завтрашнем дне» желала пользоваться и интеллигенция. (Под интеллигенцией здесь понимается социальный слой людей интеллектуального труда, не облеченных властью над представителями иных социальных слоев). По замечанию А. Амальрика, специалист желал, «чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд режима, а на “законной основе”»¹²⁴. В этом смысле большинство интеллигентов были умеренными правозащитниками. Они вступали в правозащитную борьбу прежде всего тогда, когда нарушались права данного конкретного человека, но сам факт бесправия интеллектуальной элиты вызывал перманентный ропот и не мог не подпитывать оппозиционные настроения.

Собственно, интеллигенция всегда была источником оппозиции просто потому, что она генерировала новые идеи. В интеллектуальном творчестве состояла главная функция интеллигенции. Обойтись без этих услуг интеллигенции в век идеологической борьбы и научно-технического прогресса режим не мог. Но монополию на социальное творчество бюрократия оставляла за собой, сводя его к едва заметному минимуму. Это создавало поле противоречий между бюрократией и интеллигенцией. Решить проблему номенклатура могла лишь интегрировав интеллигенцию в свою среду, организовав ее по образу и подобию номенклатуры. «Верхние эшелоны» интеллектуалов были поставлены в привилегированное положение и подчинены жесткому контролю. Так возник феномен тоталитарной интеллигенции, которая продолжала жить в условиях жесткого контроля даже тогда, когда остальное общество уже выходило из-под идеологического влияния комму-

нистической доктрины. В результате представители тоталитарной интеллигенции воспринимали общество, в котором они жили, как «тотальную идеократию» (термин Г.Шахназарова)¹²⁵, то есть систему всеобщего идеологического контроля. Действительно, он существовал, но только в отношении самой бюрократии и обюрокраченной интеллигенции. В 70-е гг. значительная часть представителей этих слоев продолжала жить при тоталитаризме.

Номенклатурная интеллигенция была приобщена к привилегиям, но в случае проявления свободомыслия специалист мог быть лишен доступа к ним. Не случайно одним из наиболее страшных наказаний считалось лишение возможности выезжать за границу. Невероятная кара для страны, где большинство граждан никогда за границей не бывали. Но для человека, который всю жизнь доказывал неоспоримые преимущества «реального социализма», выезд на Запад означал приобщение к страшной тайне преимуществ «общества потребления». Многих «бойцов идеологического фронта» она сделала тайными западниками.

Ономенклатурирование интеллигенции давало противоречивый эффект. С одной стороны, интеллектуальная жизнь обюрокрачивалась со всеми негативными последствиями этого. С другой — интеллигенты стремились к освобождению от бюрократического контроля, надеясь, что в случае объявления интеллектуальной свободы все привилегии останутся с ними. Тоталитарная интеллигенция, воспитанная в условиях идеологической монополии и «двоемыслия», отличалась догматичностью и нетерпимостью к оппонентам. Являясь частью номенклатуры, она при этом в значительной своей части ненавидела режим и стремилась к его разрушению — как правило, в пользу Западной модели развития. Тем более, что одной из привилегий того времени был легальный доступ к «враждебной» литературе, попадавшей, таким образом, на благоприятную почву.

Тоталитарная интеллигенция составляла лишь часть интеллектуальной элиты, которая в иерархическом обществе СССР составила костяк «среднего класса», или, по определению А.Амальрика, «класса специалистов». Специалисты отличались от основной массы работников как характером труда (не только выполнение сформированных управленцами решений, но и формирование решений управленцев), так и уровнем оплаты труда. Но бюрократия пыталась вести себя в отношении специалистов так же, как в отношении рабочих, полновластно вмешиваясь в творческий процесс. Это снижало качество процесса и вызывало недовольство. Материальное положение большинства специалистов также незначительно разнилось с положением рабочих, что не способствовало стимулированию творческого труда¹²⁶. Большая часть специалистов не входила в состав тоталитарной интеллигенции и, не получая привилегий, не находилась под жестким идеологическим контролем режима. На основе слоя специалистов-интеллигентов (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — горизонтальных, независимых от государства связей как основы общественной активности. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой, хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной

активностью. В относительно изолированных субкультурах общественно активная интеллигенция виртуально репетировала социальное творчество. Попытки небольших радикальных групп открыто вступать на путь правозащитной борьбы встречали противоречивый отклик в среде среднего класса — часто враждебный (см. Главу X). Гражданский потенциал интеллигенции еще оставался только потенциалом, и «класс специалистов» не начал превращаться в гражданский слой — основу гражданского общества¹²⁷.

От мыслительного труда интеллигенцию упорно отвлекала вся социально-экономическая система страны: физический труд на полях, интриги карьерной войны, почти безнадежная борьба за внедрение своих достижений, не вписывающихся в устаревшие производственные отношения. Несмотря на привилегии ее высших слоев, сросшихся с бюрократией, средняя масса интеллигенции имела очень скромные доходы. Если в 1955 г. ИТР получали в среднем на 70% больше, чем рабочие, то в 1985 г. разница сократилась до 10%¹²⁸. Профессия инженера, как и других слоев интеллигенции, теряла свой престиж. Это приводило к двум важным последствиям — недовольству и этого социального слоя, а также замедлению научно-технического прогресса. Внедрение новых технологий требовало иной организации труда, иных общественных отношений, иного положения научных работников. А пока, по справедливому высказыванию Р.Сагдеева, «по приборной и компьютерной вооруженности армия наших научных работников и инженеров скорее напоминает народное ополчение с самострелами в руках»¹²⁹.

Но, несмотря на эти трудности, наука и культура продолжали развиваться, чему в немалой степени способствовало стабильное финансирование. И это касается не только технических наук, в которых у правительства была непосредственная заинтересованность. В гуманитарной сфере (исключая темы, наиболее важные идеологически) обычны были дискуссии, нормальным считалось выражение «в науке еще не сложилось единое мнение по этому вопросу». Во многих сочинениях, не связанных с XX в. и К.Марксом, достаточно было убрать оценочную и общеполитическую часть, и налет догматизма совершенно исчезал. В то же время критический настрой марксистской литературы в отношении идеологических основ западной цивилизации имел важное научное значение. Так же, как на Западе советологи концентрировались на изучении «теневых сторон» жизни и истории СССР, так и социологи Советского Союза концентрировали внимание на тех сторонах западной жизни, которые западная массмедиа старалась обходить стороной. Несмотря на то, что научные дискуссии велись в рамках дозволенного, иногда они приближались к опасным границам. Так, например, дискуссия историков об азиатском способе производства нанесла непоправимый удар по стройной концепции пяти общественно-экономических формаций, на которой держалась официальная теория прогресса. В ходе этой дискуссии к тому же выяснилось, что государство может быть эксплуататором само по себе — этот вывод вполне можно было применить к СССР. Несмотря на то, что обсуждение этой темы не поощрялось, даже в 1983 г. продолжали выходить сочинения, отрицавшие «пятичленку» формаций¹³⁰.

Дискуссии проникали и в студенческие аудитории, разлагая нерушимый фундамент «научного мировоззрения».

Возможность направлять большие средства на избранные направления науки, с одной стороны, и концентрация усилий ученых на одной методике исследования в ущерб другим — с другой, привели к тому, что на фоне общего отставания ряд направлений советской науки был относительно конкурентоспособен и в мире.

Нельзя не заметить также поступательного развития советской культуры, успешно продиравшейся через тернии партийно-государственного контроля. На фоне тонн макулатуры и многих часов бездарных кинофильмов и телепередач то и дело выходили талантливые книги и фильмы. Официоз не имел ничего против таких произведений, если в них не излагался альтернативный «правильному» взгляд на политические и историко-политические вопросы. Впрочем, неутомимые художники умудрялись под видом исторических и бытовых сюжетов рассуждать о таких темах, которые официально открывает только Перестройка. Примерами можно заполнить несколько страниц — приведем только некоторые. В фильме Э.Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» царский жандарм говорит заключенному о том, что «наши тюрьмы и генералов выдерживали». Генералы в тюрьмах — явление очень характерное для прошлого века. То ли дело — при Сталине. Вышедший в 1979 г. фильм того же режиссера «Гараж» неплохо прогнозировал многие психологические обстоятельства раннего периода Перестройки и был полон весьма смелых намеков.

«Вольномыслие» в кинематографе проявлялось по-разному. Так, фильмы Ю.Германа «Мой друг Иван Лапшин» и В.Говорухина «Место встречи изменить нельзя» поднимают проблему правового произвола при Сталине. Первый фильм полон намеков, понятных элите, второй увлекает зрителя детективным сюжетом и в то же время будит неприязнь к произволу и сочувствие к его жертвам. Сравнение киноискусства 60-х — первой половины 80-х гг. с более поздним периодом показывает, что в период «застоя» оно переживало тяжелое, но не худшее время. В борьбе с бюрократией художники несли потери, но и закалялись.

Значительная часть специалистов была занята обеспечением здравоохранения и образования. Как и в других сферах жизни СССР, здесь удовлетворялись стандартные, рассчитанные на среднего человека нужды, но не более. Низкий уровень оплаты труда, упадок стимулов к работе приводили и здесь к стагнации. Впрочем, в каждом деле существовали свои подвижники.

Рутинное образование, нищая медицина, отсталое производство быстро убивали энтузиазм основной массы новобранцев интеллигентских профессий. Но студенчество еще пылало романтизмом, горячими спорами, весельем юности. Эта категория интеллигенции была самой бесправной, то и дело направлялась на строительные и сельскохозяйственные работы, но в этом некоторые видели романтику студенческой жизни. Возникла целая культура «стройотрядного» образа жизни. Романтика и иллюзии студенчества поощрялись сверху. Казалось, что столкновение с жизнью потом отрезвит юно-

шей и девушек и встроит их в общую систему. А пока пусть думают, что бедность и несправие студенчества — естественные временные трудности не занявших еще своего места в жизни людей. Однако, как показали события на Кавказе 1978—1981 гг., в условиях социального-политического кризиса юношеский романтизм и радикализм мог превратиться в запал социального пожара. В молодежной среде неформально общались отпрыски различных социальных слоев. Новому поколению становилось очевидно, что рассказы о социальной справедливости в СССР — не более, чем собрание мифов.

Зримое размывание социальной однородности было опасно для стабильности системы. Общество «реального социализма» отличалось значительным имущественным неравенством, идея социального равенства была одним из основополагающих коммунистических мифов. Свыше 250 рублей на члена семьи получали в 1980 г. 1,3% населения, 150—250 рублей — 17,1%, 75—150 рублей — 55,9%, менее 75 рублей — 25,8%¹³¹. «Средние слои», то есть специалисты и хорошо (по советским меркам) оплачиваемые рабочие составляли большинство населения. Благодаря высоким вложениям в массовую культуру и образование, а также контролю за интеллектуальным развитием, образовательная грань между интеллигенцией и рабочим классом была не очень велика. Культурный уровень правящей элиты отличался от «общенародного» еще меньше. В социально-психологическом плане советское общество действительно было достаточно цельным.

Социальная структура СССР была относительно прочна в силу того, что внутри каждой страты имущественные различия нивелировались. Так, несмотря на то, что дифференциация труда рабочих в зависимости от квалификации оценивалась социологами как десятикратная, оплата труда рабочего на одном производстве, как правило, различалась не более, чем в два раза¹³². При этом существовала большая разница в оплате и обеспечении социальной инфраструктуры работников различных предприятий. Наиболее квалифицированная рабочая сила концентрировалась в так называемых «ящиках» — закрытых предприятиях, связанных с военно-промышленным комплексом (но обеспечивавших не только военные нужды). За лучшие условия труда и быта рабочий вынужден был расплачиваться меньшей степенью свободы в смене рабочего места и часто более интенсивным трудом.

Интенсивность труда большинства рабочих была не очень велика. Но важной проблемой оставалась неритмичность труда. По данным Госкомтруда, с 1975 по 1980 г. количество простоев выросло с 0,36 человеко-дня до 0,42 человеко-дня на одного рабочего в год. «Для обеспечения выполнения плана в конце месяца рабочие привлекаются к массовым сверхурочным работам, работам в выходные дни, зачастую в нарушение трудового законодательства», — жаловался Госкомтруд в ЦК¹³³.

В стране продолжали сохраняться серьезные территориальные различия, пронизывавшие не только элиту, но и массу рабочего класса, составлявшего 61% населения¹³⁴. В выигрышном положении оказывались рабочие Москвы, Ленинграда, некоторых столиц «союзных республик». Здесь существовали преимущественные условия снабжения, доступа к культурной инфраструк-

туре. Усвоив уроки революции, власти внимательно следили за снабжением этих городов. Остальная масса пролетариата была скучена в индустриальных центрах, где условия жизни были гораздо хуже. Географическое разделение населения обеспечивалось системой прописки — ограничение права изменения места жительства. Прописка обосновывалась экономически — для получения дешевого жилья необходимо было принадлежать к числу жителей данной местности, а войти в число этих жителей можно было только имея постоянное жилье. Так дешевизна социальных услуг влекла за собой географический корпоративизм.

«Жилищный вопрос» был одной из основных социальных проблем СССР еще со времен сформированной индустриализации и живо дискутировался, в том числе и на партсобраниях. Во время обсуждения проекта Конституции 1977 г. рядовые коммунисты требовали более справедливого распределения жилья, и даже при участии «общественного контроля»¹³⁵. Высказывались требования равных жилищных прав¹³⁶. Более реалистичный архитектор Н.Опарин, напротив, считает неуместными пропагандистские статьи Конституции и предлагает исключить ст. 44 («право на жилище»), если нельзя обеспечить всех граждан жильем за 2—3 года¹³⁷. Статью не исключили, но руководство КПСС не забыло про «должок» и разрабатывало план ликвидации дефицита жилья. Этот план был принят в 1986 г., но не пережил Перестройки.

Стремление провинциалов войти в привилегированное сословие столичных жителей, получить московскую или ленинградскую прописку, привело к возникновению явления «лимитчиков», то есть социального слоя рабочих, нанимаемых в столицы на невыгодных условиях, но с перспективой получения московской прописки. Ради нее «лимитчики» готовы были временно работать и жить в гораздо более тяжелых условиях, чем большинство рабочих СССР. «Лимит» (возможность ограниченного ввоза рабочей силы в Москву) давал администрации предприятий возможность обходиться без рационализации производства и приводил к постоянному разрастанию столиц, усиливал в них социальную напряженность. Пытаясь смягчить проблему «лимита», администрация широко применяла на тяжелых работах также иностранную рабочую силу (прежде всего из «братского» Вьетнама, нищее население которого также было готово трудиться в любых условиях), солдат, заключенных «лечебно-трудовых профилакториев», куда попадали алкоголики. Эти слои рабочей силы, привлекаемые к труду внеэкономическими методами, находились еще в относительно выгодном положении по сравнению с заключенными тюрем и лагерей, труд которых широко использовался в провинции. В заключении, по данным диссидентов, находилось до 1% населения страны¹³⁸. Эти «парии» советского общества поддерживали экстенсивные тенденции в развитии экономики страны и до времени обеспечивали большую социальную стабильность, так как почти бесплатно брали на себя наиболее тяжелые работы.

Социальная стабильность поддерживалась и корпоративной социально-психологической традицией, доставшейся российской индустриальной цивилизации в наследство от общинной культуры России и коллективистской

коммунистической идеологии. Администрация была вынуждена в условиях дефицита рабочей силы (одно из проявлений всеобщего дефицита) стремиться к постоянному повышению жизненного уровня своих рабочих (чтобы они не перешли на другие предприятия). Это снижало угрозу забастовок, так как в большинстве случаев можно было обходиться без них. По мнению В.Заславского, «право на уход по собственному желанию представляет собой могучее средство давления рабочего на администрацию»¹³⁹. Руководству предприятий удавалось договариваться с работниками — текучесть кадров составила в 1985 г. всего 12,7% списочного состава предприятий, что относительно немного в условиях постоянного дефицита рабочей силы¹⁴⁰. Предприятия воспринимались значительной частью рабочих как «свои», на производстве складывался своеобразный общественный микроклимат с собственными авторитетными людьми, часто не занимавшими официальных управленческих постов. Но наибольшие проблемы администрации доставляли не столько местные авторитеты, сколько более активные правдоискатели — «жалобщики», «заводилы».

В конце 70-х гг. в условиях нарастающих экономических трудностей администрации постоянно «закручивала гайки», пытаясь поставить трудовые коллективы под жесткий контроль, навязать ему менее выгодные условия труда. Это приводило к все большему количеству конфликтов: «Увеличилось количество писем о трудовых конфликтах, — писал в сводке для ЦК заместитель редактора «Литературной газеты» В.Сырокомский. — Читатели сообщают факты увольнения и преследования работников за критику. Часто от “жалобщика” пытаются избавиться любыми способами, начиная от незаслуженных выговоров и вплоть до организации товарищеского суда. Авторы писем обращают внимание на то, что некоторые руководители, чувствуя себя в роли “удельных князей”, заводят свои собственные порядки, окружают себя “верными” людьми и творят свой суд и расправу над неугодными»¹⁴¹. Стремление директората к самостоятельности, укреплению контроля за «своими» предприятиями, реализовывалось не только за счет вышестоящих бюрократических структур, но и за счет любителей «качать права» на производстве. Для «рабочей оппозиции» наступали тяжелые времена.

Большую роль в разрешении трудовых конфликтов играли суды. Но их значение падало. В Ивановской области, например, судами были восстановлены на работе в 1973 г. 58,6% обратившихся, в 1976 г. — 39,2%, в 1977 г. — 27,8%, а в 1978 г. — всего 5,7%, в 1979 г. — 3,4%¹⁴². Вряд ли резкое падение процента удовлетворенных исков может свидетельствовать о том, что увольнения стали более оправданными. Ужесточилась позиция судов в отношении рабочих. Тысячи несправедливо уволенных продолжали ходить по судам разных инстанций, превратившись в специфический социальный типаж безработного «жалобщика». Зато миллионы рабочих теперь опасались входить в индивидуальный конфликт с начальством. Но это лишь спланивало рабочих и, если сопротивление поддерживали цеховые авторитеты, вело к коллективным акциям протеста.

Забастовочная активность стала возрастать в 1979—1980 гг.¹⁴³ Вскоре этот факт признали и государственные органы (конечно, секретно): «В 1980

г. участились случаи грубого нарушения на отдельных предприятиях трудовой дисциплины, которые выражались в самовольном оставлении работы с целью решения таким образом возникших трудовых конфликтов», — говорилось в записке Госкомтруда в ЦК¹⁴⁴. Одним из важнейших поводов к забастовке стало снятие льготных пенсий, использовавшихся для привлечения работников на производство. Люди отработывали в тяжелых условиях много лет, рассчитывали получить за это льготную пенсию, но затем льготу отменяли. Можно вообразить себе возмущение обманутых рабочих. В 1980 г. это вызвало забастовки на Краснодарском заводе измерительных приборов и на Щебекинском химзаводе. Среди других причин забастовок были требования повышения зарплаты, сохранения льготных отпусков, сокращенного рабочего дня, отмены пересмотра норм¹⁴⁵. Требования рабочих были «консервативны», они сводились к выполнению обещаний администрации и к сохранению прежнего положения, которое привлекло работников на то или иное предприятие. Но экономическая обстановка становилась все тяжелее, и хозяйственные руководители пытались решить нарастающие экономические проблемы за счет рабочих, что вызывало недовольство, а иногда — и открытое сопротивление. Призрак «Солидарности» витал над СССР.

Однако, как правило, конфликты удавалось быстро прекращать путем переговоров между лидерами и работниками разветвленной социальной инфраструктуры предприятия (партком, профком и др.). «Изучая наше производство изнутри, будучи рабочим в 1981—1987 гг., — вспоминает В. Корсетов, — я понял, что оно жило в условиях непрекращающихся трудовых конфликтов. Забастовки происходили постоянно — из-за условий труда и расценок. Формы были разнообразны — от спонтанных митингов в рабочее время до «итальянских» забастовок-вольнок. На серьезные, продолжительные забастовки жизнь толкала редко, когда администрация шла на большое удлинение рабочего дня. Рабочие сидели на рабочем месте и не работали. Как-то на моей памяти забастовал цех в 120 женщин одной профессии. Согнали около 300 человек администрации со всего завода здоровых мужиков, которые «давили» на забастовщиц. Администрация состоит как правило из мужчин даже там, где производство преимущественно женское»¹⁴⁶. Работниц удалось «уговорить».

На предварительной стадии конфликты часто гасились благодаря посредничеству парторганизации или местных ячеек общественных организаций — профкома и комсомола. Эти структуры, создававшиеся как проводники воли высшего руководства и бюрократии, к концу 70-х гг. превратились в промежуточное звено, которое ориентировалось на интересы не только «верхов», но и «низов». Корпоративная система распределения материальных благ, покровительство администрации своим рабочим, заводской патриотизм и т.д. создавали цельный микроклимат предприятия, который далеко не всегда контролировался извне. Конфигурация линии противостояния бюрократии и общества зависела от конкретной позиции директоров, мастеров, инженеров, председателей парткомов и профкомов. Так, например, в 1983 г. проверка показала, что около половины профкомов

саботирует карательные мероприятия государства, направленные против «нарушителей трудовой дисциплины»¹⁴⁷. В то же время администрация могла опереться на коллектив, своего рода промышленную общину, авторитет которой мог воздействовать на наиболее нерадивых, так как их работу приходилось выполнять остальным. По справедливому замечанию В.Заславского, картина отношений на советском предприятии «далека от протестантской этики отношения к труду, равно как и от технократического идеала постоянного увеличения производства, но она также далека и от образа советского рабочего класса, лишенного всех прав»¹⁴⁸.

Рядовые коммунисты по своему социальному положению мало отличались от большинства коллег и характеризовались только большей лояльностью. Но во время партийных обсуждений (например, при обсуждении проекта Конституции 1977 г.) то и дело выдвигались социальные требования «основных классов» — о гарантированном уровне цен, об увеличении отпуска рабочих с 15 до 24 дней, о предоставлении отпуска за дополнительную работу, о дополнительном вознаграждении за стаж, о запрещении труда женщин на тяжелых работах, предоставление пенсий многодетным домохозяйкам, вытеснение ручного труда, в первую очередь — женского и др.¹⁴⁹ Инженер И.Кукушкина предлагала внести норму об отпуске по воспитанию детей в три года¹⁵⁰. В Конституцию эта норма попасть, конечно, не могла, но со временем она попала в закон. Советское «социальное государство» было заинтересовано в стимулировании рождаемости — будущей рабочей силы. Это поощряло активность «женского лобби» — всего только за декаду было предложено 345 конкретных предложений по социальным льготам для женщин¹⁵¹.

Ойёадй И.Вислоушкин предложил конституционно закрепить персональную ответственность первых руководителей предприятий «за создание в коллективах надлежащих производственных и культурно-бытовых условий»¹⁵² (118 аналогичных предложений за декаду)¹⁵³. Некоторые менеджеры, в свою очередь, требовали ввести статью «об ответственности работников за выпуск некачественной продукции»¹⁵⁴. Директор Минишев, поддержанный за 10 дней еще 25 коммунистами, предлагал такую норму: «коллектив отвечает за каждого своего члена, а каждый член коллектива несет моральную ответственность за общее положение дел в коллективе»¹⁵⁵. Это директорское требование круговой поруки не попало в Конституцию, но зато стало реализовываться (и не только морально, но и материально) в Свердловской области (см. Главу XII). Социальные противоречия на производстве живо проявлялись на конституционных партсобраниях. Проявило себя и профсоюзное лобби, требовавшее признания профсоюзной собственности самостоятельной формой общественной собственности наряду с государственной и колхозно-кооперативной — 64 предложения за декаду¹⁵⁶.

Относительная защищенность человека на производстве контрастировала с его беззащитностью перед лицом бюрократии по месту жительства. Социолог О.Яницкий пишет об этом: «На заводе, в любом учреждении работник все же социально защищен. При всем несовершенстве нашего трудового законодательства он — член трудового коллектива, КПСС, профсоюза,

многочисленных трудовых организаций. А в микрорайоне, заводском поселке, общежитии он бесправен и безгласен, постоянно слышит «нельзя», «не предусмотрено», «зайдите завтра»¹⁵⁷. Компартии удалось разрушить общину на территориальном уровне. Собственно, именно там она представляла для политической монополии коммунистов наибольшую угрозу. Именно по месту жительства человек «отвлекается» от производственных заданий и сталкивается с проблемами качества жизни и связанными с ним более общими вопросами — экологии, бюрократизации, социальной уязвимости и т.д. Но человек территориальный был гораздо хуже организован, чем человек производственный (хотя это были одни и те же люди), и потому первый уступал второму, когда их интересы сталкивались. Отсюда — нарастание экологических проблем (приоритет интересов производства над здоровьем местных жителей), мирриады нерешенных вопросов качественного жилья, снабжения, транспорта, нараставших по мере ослабления единого обруча, сплавивавшего административную машину в сталинские времена. По мере роста сферы свободы в обществе индустриальная машина оказывалась в более выгодном положении, чем население; человек-винтик этой машины — в более выгодном положении, чем собственно человек-житель.

Конечно, это было результатом общих закономерностей развития индустриализма, которые проявляются и на Западе, и на Востоке. Но здесь было одно существенное различие — в большинстве западных стран общинность, корпоративность общества сильнее сохранилась по месту жительства, чем на производстве. Это, помимо всего прочего, обеспечило большую защищенность человека именно как потребителя, как жителя. Это позволило быстрее, чем в СССР, сформироваться современному гражданскому обществу, опирающемуся на сильное территориальное самоуправление. В СССР коммунистический «большой скачок» разрушил территориальное самоуправление и перенес корпоративные структуры на производство. В итоге — большая защищенность на производстве (по некоторым параметрам — выше, чем в большинстве стран Запада) и беспомощность по месту жительства, а точнее — по месту жизни вне производства. В 80-е гг. это вызовет мощное движение за территориальное самоуправление. А пока костяком корпоративной структуры общества СССР (и ряда других стран, в том числе, например, Японии) оставалось производство.

Экономический механизм 60—70-х гг. оказывал на этот костяк противоречивое воздействие. При материальном стимулировании приоритет отдавался индивидуальному подходу, а лишняя прибыль предприятия и его подразделений изымалась в бюджет. Таким образом, персональное стимулирование производилось за счет коллектива, что вело к социальной атомизации. Словно спохватившись, государство стало поощрять коллективные формы материального стимулирования (бригадный подряд, шекинский метод). По сути, это была форма сдельной оплаты с элементами круговой поруки — работники не получали почти никаких дополнительных прав. Соответственно и «бригадный подряд» в большинстве случаев оставался формальностью. По данным опросов в Куйбышеве, самостоятельные решения по распределению коллективного заработка принимали только 43% бригад.

Лишь четверть бригад принимала хоть какие-то меры к нарушителям дисциплины (если рабочие и в этих случаях не ввели социолога в заблуждение «на всякий случай»)¹⁵⁸. Среднее звено хозяйственной бюрократии относилось к фактическому (а не декларативному) коллективизму с большим подозрением. Там, где в автономных бригадах или на предприятиях возникали зачатки самоуправления, они грозили ограничить власть хозяйственных органов. Поэтому даже в том случае, когда рабочие поддерживали новое начинание, оно было обречено. Производственная общность должна была быть только вертикальной, тесно связывающей руководителя и подчиненного и потому подконтрольной. Грань между правящим слоем и остальной частью общества должна была быть малозаметной.

Медленный рост благосостояния должен был снять возможные напряжения между элитой и массой остального населения. Среднемесячная зарплата в 1980—1985 гг. выросла с 168,9 до 190,1 рубля в месяц, а зарплата рабочих — со 182,5 до 208,5 рублей¹⁵⁹. Доход от подсобного хозяйства составил в 1980 г. 7% от общего дохода населения, в том числе у колхозников — 27,5%¹⁶⁰, а в реальности возможно и больше. С добавлением различных выплат и льгот среднемесячная зарплата в народном хозяйстве возросла с 233 до 269 рублей¹⁶¹.

При этом цены не стояли на месте. В 1980—1985 гг. цены на мясо выросли на 5%, на колбасные изделия — на 13%, на рыбу — на 2%, на сыр и брынзу — более, чем на 3%, фрукты и бахчевые культуры — более чем на 21%. В то же время цены на животное масло, яйца, сахар, крупу не изменились (если не считать такой фактор инфляции, как быстрое развитие сети кооперативных магазинов, в которых цены были выше, а уровень дефицита — меньше)¹⁶².

В то время, как цены на хлопчатобумажные ткани выросли почти на 30%, цены на шерстяные ткани упали почти на 5%. Если цены на радиоприемники возросли на 5%, то на цветные телевизоры упали на 9%. Средний индекс инфляции в 1980—1985 гг., рассчитанный по 37 показателям, составил 6%¹⁶³. Таким образом, с учетом инфляции доходы населения выросли на 5%. Однако в условиях дефицита на розничную продукцию этому росту еще нужно было найти применение. По данным западных специалистов, советская женщина ежедневно преодолевала в среднем 12—13 километров в поисках необходимых семье продуктов и товаров¹⁶⁴.

Возрастали или были стабильными потребление непродовольственных товаров и обеспеченность предметами длительного пользования¹⁶⁵. Потребления мяса и мясопродуктов на душу населения возросло в 1980—1985 гг. с 58 до 62 кг. в год (по видимому, без учета потерь), яиц с 239 до 260 шт., овощей и бахчевых культур — с 97 до 102 кг., фруктов и ягод — с 33 до 41 кг. В то же время потребление хлебопродуктов упало с 138 до 133 кг., а картофеля — с 109 до 104 кг., что говорит о благоприятных сдвигах в структуре питания¹⁶⁶. В то же время при анализе статистических материалов нужно делать поправку на низкое качество продуктов и неравномерность его распределения по стране.

Граждане с большим интересом следили за продовольственной «политикой партии». Когда в апреле 1979 г. Брежнев заявил о намерении удвоить производство мяса, в «Правду» немедленно пришло 43 письма с вопросом: «За счет каких ресурсов?»¹⁶⁷ Ответ партия искала три года.

*«Одним из факторов стабильности режима, — писал А.Сахаров, — является то обстоятельство, что материальный уровень жизни, хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым»*¹⁶⁸. Это утверждение было верно еще для первой половины 70-х гг. Однако после того, как голодное прошлое осталось позади, по мере роста широты кругозора и одновременного падения темпов роста уровня жизни в конце 70-х гг. все более широкие слои населения стали задаваться вопросом: как соотносился уровень жизни в СССР и странах Запада? От результатов этого сравнения зависело состояние национального самосознания советских людей — представителей «самого передового общественного строя». Постепенное распространение информации о преимуществах капитализма подрывало саму основу мировоззрения советского человека, которого приучили сравнивать свою жизнь с развитыми, а не развивающимися странами. Эта ситуация предопределяла острый кризис национального «сверхдержавного» самосознания. Огромные жертвы, которые потребовались коммунистам, чтобы вывести страну на достигнутый ею уровень развития, казались оправданными только при условии, что СССР и в действительности идет «впереди планеты всей». «Путем мобилизации ресурсов коммунисты втащили страну в индустриальную стадию развития, — пишет А.Исаев, — но... издержки “большого скачка” оказались для народов нашей страны непомерными. И как только перестройка вынудила ослабить государственный пресс — КПСС немедленно был предъявлен счет за миллионы убитых и замученных в лагерях, за разрушение духовных и культурных основ жизни народа, за изоляционизм и ”железный занавес”, вызвавшие неумную и нерасчетливую тягу ко всему иностранному. (Помните у “Наутилуса”: “Нас так долго учили любить твои запретные плоды!”)¹⁶⁹. Собственно, эти процессы начались уже до Перестройки, по мере того, как каждый человек открывал для себя преимущества Запада (часто сильно преувеличенные неожиданностью первого соприкосновения).

Насколько же реально жизненный уровень СССР отставал от западного? По подсчетам К.Буш в марте 1982 г. для приобретения 7 килограмм хлеба средний москвич, обеспечивающий четырех человек, должен был трудиться 119 минут, лондонец — 175, парижанин — 126, житель Мюнхена — 189, Вашингтона — 112. Таким образом, москвича опережал только вашигтонец. Но по остальным продуктам потребительской корзины ситуация была иной. Для приобретения килограмма говядины (с поправкой на московское качество) тем же жителям больших городов предстояло работать соответственно 123, 115, 119, 150 и 69 минут. Как видим, мюнхенец оказался даже в несколько худшем положении, чем москвич. Больше он, однако, не позволял себе отставать от советского человека — для приобретения 3,3 килограмм сахара им предстояло трудиться соответственно 191, 36, 30, 33 и 30

минут, 12 литров молока — 264, 108, 96, 84 и 72 минуты, 2 килограммов сыра — 370, 130, 118, 130, 200 минут, 9 килограмм картофеля — 63, 27, 36, 36 и 63 минуты. Здесь уже американец сравнялся с москвичем. Недельная корзина, состоящая из 23 видов продуктов, стоила бы соответственно 53,5, 25,7, 22,2, 23,3 и 18,6 часов работы. Как видим, разрыв существенен, но не является качественным. Еще меньшим он становится с учетом коммунальных платежей. Чтобы заплатить их за месяц, нашим героям предстояло трудиться 12, 28, 39, 24 и 51 час. Так что с учетом платежей месячная корзина стоила им соответственно 226, 130,8, 127,8, 117,2 и 125,2 часов¹⁷⁰.

При интерпретации этих фактов следует учитывать различие в качестве продуктов (хотя и западное качество преувеличивать не стоит), в наличии дефицита, который затруднял получение продукта москвичом, в ценах и качестве промышленной продукции. В силу описанных выше причин положение с товарами «ширпотреба» в СССР было тяжелее, чем с продовольствием. Наконец, нельзя забывать и о том, что система распределения в СССР была гораздо менее равномерной, чем в странах Запада. Снабжение Вашингтона и жителя провинциального американского городка существенно не различалось, в то время как жители российской провинции специально ездили в Москву и Ленинград за продовольствием. Читательница «Литературной газеты» Е.Соловьева из г.Коврова писала: «Хочу рассказать вот о чем. Сижу на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше — пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло если выбросят, так за него — в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены»¹⁷¹. С учетом этих обстоятельств становится ясно, что уровень жизни в СССР отставал от западного не в два, а в несколько раз.

Картина прилавков западных супермаркетов создавала у советских туристов иллюзию бесконечного отставания и часто вызывала психологический шок, кардинально менявший взгляды человека. Но порожденная советской идеологией привычка сравнивать отечественный уровень жизни с Западом, наводящая на пессимистические размышления, не отражает реального положения советского населения в мире. Достаточно напомнить, что разрыв в личном потреблении на душу населения развитых капиталистических и развивающихся стран составлял 12,5 раз¹⁷². «Социалистические» страны, таким образом, занимали промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, приближаясь скорее к первым, чем ко вторым.

Это подтверждает и структура потребления в странах трех типов. Так, даже в начале 90-х гг. средний житель Турции (одного из лидеров «Третьего мира») тратил на питание 53% зарплаты, а средний швед — 23%¹⁷³. Доля затрат на питание в расходах семьи в СССР снизилась в 1980—1985 гг. с 35,5% до 33,7%. Освободившиеся средства шли на приобретение предметов культурно-бытового назначения и мебель (рост с 6,5 до 7,1%), а также на уплату налогов (рост с 9,1 до 9,4%) и в семейные накопления (рост с 5,6 до 7,8%)¹⁷⁴. Казалось, что некоторый рост доходов, проходивший в условиях

усилившегося дефицита, позволит накопить средства, которые решат проблемы семьи позднее. Однако по мере того, как эти надежды не оправдывались, дефицит раздражал все сильнее и превращался в острейшую социально-психологическую проблему. Таким образом, сам факт роста уровня доходов населения превращался в фактор кризиса.

Потребности людей постоянно растут по мере расширения кругозора большинства населения, и люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои маленькие планы, в то время, как им сообщали о выполнении планов системы в целом. Это неизбежно усиливало психологическое противоречие между человеком и системой. Все эти маленькие бытовые противоречия постепенно накапливались, суммировались — и вот уже в обществе росло недовольство большинства, все отчетливее формулируемое в негативный лозунг: «Так жить нельзя». По мнению Т.Заславской и Р.Рывкиной, «Социальное развитие населения, рост культуры и информированности, расширение спектра потребностей и интересов существенно повысили требования, предъявляемые людьми к окружающему миру, уменьшили степень их конформизма»¹⁷⁵.

Необходимость перемен еще не означала готовности руководства к ним. Поколение старцев, сохранявшее власть, к таким переменам было органически неспособно. Но генерация политиков, сформировавшихся в 30-е гг., уже «подпиралась» теми, чья молодость пришлась на конец 40-х — начало 50-х гг. Это поколение руководителей, как и всякий социальный слой, несло в себе общие черты, определявшие его поведение. Остановимся на них несколько подробнее. Формирование юных характеров представителей этого поколения пришлось на время торжества сталинского послевоенного мракобесия. Эта атмосфера, с одной стороны, приучила «пятидесятников» к «двоемыслию», значительной гибкости принципов, а с другой — прочно заложила в сознание те официальные догматы, которые не менялись при всех внезапных изгибах «генеральной линии КПСС». Крушение идолов, начавшееся сразу после смерти Сталина, XX съезд, увенчавший сомнения в безупречности сталинского правления, падение сталинских соратников — все это воспитывало молодых чиновников в духе некоторой авантюристичности и цинизма — ничто не вечно под солнцем. Кроме самого солнца, марксизма-ленинизма, разумеется.

В пору молодости «пятидесятников» никакого альтернативного общественного движения не было и быть не могло. Делая карьеру в обстановке усиливающегося идеологического прессинга, чиновники-«пятидесятники» должны были скрывать свои сомнения и циничные наблюдения в таком глубоком подсознании, из которого и им самим трудно было извлечь крамольную мысль.

Степень самого сокровенного свободомыслия чиновников-«пятидесятников» была не велика. Если их сверстники в «низах» общества начинали уже ощущать несправедливость устоев, на которых зиждился СССР, если молодые «пятидесятники» поднимались на городские бунты начала 60-х, то чиновничество до поры хранило уверенность, что в основном все правильно. Важно только менять переродившихся руководителей (Хру-

шев подавал тому примеры), вовремя обращать внимание на встающие перед обществом проблемы — и все будет хорошо. Кстати, такого же мнения придерживалась и значительная масса «пятидесятников» в других слоях общества. Степень оппозиционности в середине 50-х гг. стремилась к нулю.

К «пятидесятникам» с двух сторон примыкали поколения, близкие им по возрасту, но уже далекие друг от друга. «Военное поколение», которое из-за затянувшегося застоя так и не встанет у руля страны. Глоток свободы, который можно было хлебнуть во фронтовой неразберихе первых лет войны, извечный вопрос «За что мы кровь проливали?», европейские впечатления, которые в прошлом столетии породили декабризм, и святая, кровью скрепленная вера в устои «социализма» — такие черты вполне могли породить и реформатора, и вождя с «твердой рукой».

Более молодое поколение «шестидесятников» или «детей XX съезда» несло в себе неизгладимый отпечаток хрущевской оттепели со всеми ее противоречиями. Узкая, жестко лимитированная щелочка правды, воспринятая как откровение, робкое расширение свободы до уровня споров «физиков и лириков», публикации о сталинском прошлом и последовавшие в середине 60-х гг. запреты и даже расправы — все это создало узнаваемый психологический тип человека, мечтающего о потерянном в юности малом: свободе рассуждения без крайних выводов, Государе, дарующем послабление. Необходимость продолжать карьеру и при Брежневе требовала значительной, более мучительной и глубокой, чем у «пятидесятников», перестройки принципов. Но «фига в кармане» и жажда свежей мысли остались психологической потребностью. «Шестидесятники» превратились в благодатную почву для распространения самиздата. И именно из их среды (отчасти даже из среды «военного поколения») вышли те одиночки, которые не захотели перестраиваться в середине 60-х и превратились в диссидентов.

Чиновники-«пятидесятники», испытывавшие воздействие со стороны соседних поколений, все же вряд ли смогли бы стать инициаторами Перестройки, если бы им не предложили заранее разработанную программу преобразований. Эту задачу выполнила оппозиционная литература, оказывавшая на «пятидесятников» систематическое воздействие, начиная с конца 60-х гг. М.Горбачев, например, был знаком с произведениями Солженицына. Круг чтения его будущих советников был еще шире и включал самиздат и тамиздат. Высокопоставленные либералы общались с диссидентами и были в курсе их идей¹⁷⁶. Партийная элита имела доступ к произведениям «тамиздата», переизданным в издательстве «Прогресс» «для служебного пользования». Таким образом, идеи диссидентов проникали в круг будущих реформаторов. Влияние на коммунистов-реформистов оказал еврокоммунизм — социал-демократизация «братских» европейских партий. Большое значение идей еврокоммуниста Э.Берлингуэра Горбачев признавал в косвенной форме уже в 1984 г.¹⁷⁷ Под влиянием независимой мысли первоначальная мировоззренческая формация молодой номенклатуры значительно деформировалась. Сыграло свою роль и подавление «Пражской весны» 1968 г., в которой самое активное участие принимали сверстники и даже знакомые молодых советских руководителей, журналистов и ученых.

Ни одна из идей руководителей Перестройки не оригинальна. Идеи осторожного сближения с Западом, гражданских прав и свобод были широко распространены в среде интеллектуальной элиты. Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и рыночных механизмов содержится в идее «конвергенции» и корнями своими уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи «Пражской весны» и реформы И.Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О.Шика, Я.Корнаи, а в более широком смысле — в труды социалистов XIX в. — П.Прудона, Л.Блана, М.Бакунина, Э.Бернштейна и др. Освященная мифом о ленинском НЭПе, который якобы был эффективной моделью сочетания большевизма с рыночной экономикой, «рыночный социализм» завоевывал политическое сознание нового поколения руководителей.

Впрочем, здесь тоже были свои пределы. Марксизм убедительно критиковал «язвы капитализма» (поправка на век, который прошел со времени этой критики, учитывалась слабо). Бюрократия гордилась своими «историческими достижениями», и если допускала расширение рыночных отношений, то без «эксплуатации», безработицы и под четким контролем государства. Не исключалось и осторожное введение самоуправления на производстве, которое должно было мобилизовать местную инициативу, не претендуя на контроль за вышестоящими уровнями власти.

Идея разоружения, мирного сосуществования и разрядки международной напряженности являлась, пожалуй, наиболее традиционной для режима, составляя одно из важнейших его благих пожеланий. Но для того, чтобы мирные процессы приобрели необратимый характер, необходимо было признать ответственность СССР за гонку вооружений, его способность на агрессию, существование собственного ВПК.

Стремление к демократизации также не противоречило официальной доктрине, которая изначально включило демократию в число достижений КПСС. Демократизм трактовался как поддержка народом курса партии, как возможность каждого сделать карьеру (кремлевские старцы сами в свое время вышли из социальных низов), как покровительство своим поданным и подчиненным, простота в общении («демократичность»). Идеи неограниченного политического плюрализма, политической альтернативности были бюрократии чужды. Максимум, на что она могла согласиться по своей воле — это ограниченная гласность и медленная «демократизация», увенчанная в конце долгого пути фиктивной многопартийностью при ведущей роли КПСС (формально многопартийность сохранялась во многих восточноевропейских странах).

Между тем сохранение деспотизма в прежней форме не могло устраивать значительную часть номенклатуры уже потому, что авторитарный режим в любой момент мог дать рецидив сталинизма с репрессиями против аппаратчиков. Призрак сталинизма заставлял «пятидесятников» и «шестидесятников» внимательно вчитываться в самиздат и тамиздат, рассказывающий о преступлениях Сталина, прислушиваться к пропаганде в защиту соблюдения законности.

Поколение «шестидесятников» и подавляющее большинство «детей застоя» — людей, формирование мировоззрения которых пришлось на брежневский период — продолжало мыслить в системе координат коммунистической идеологии, даже если были настроены оппозиционно. Но на арену выходило новое поколение, слабо пропитанное коммунистическими стереотипами. 34,2% населения СССР в 1979 г. было моложе 20 лет¹⁷⁸. Эта масса молодежи, будущего поколения «восьмидесятников», не была интегрирована в отлаженную социально-психологическую систему «реального социализма». Все более очевидная пропасть между официально провозглашаемыми ценностями и реальностью заставляла поколение «восьмидесятников» искать собственные идеалы, далекие от тех, которые навязывались системой «коммунистического воспитания». «Наметился, а может быть, произошел нравственный раскол поколений, — утверждал социолог Г.Забрянский. — Не желая наследовать лозунги-обманки, “принципы” и догмы, противоречащие логике развития общества, молодежь растерялась»¹⁷⁹. Последнее утверждение о «растерянности» вряд ли может быть отнесено к молодежи в целом — молодые люди просто пошли разными путями, и многие — совсем не теми дорогами, которые были им предначертаны старшими. Часть молодых людей с присущим юности радикализмом стала искать возможность преобразования общества, построенного отцами, пополняя ряды неформальных движений. Другая часть бунтовала и криминализовалась. Молодежные группировки брали под контроль целые кварталы крупных городов (например, Казани). В 1984 г., на следующий день после гибели двух девушек в результате наезда на них машины милиции, тысячная молодежная толпа штурмовала Лениногорский горотдел МВД, воссоздавая в памяти грандиозные антиполицейские выступления 1957—1967 гг.¹⁸⁰

Массы молодых людей принялись улучшать свои условия жизни нелегальными путями. «Многие юнцы, с грехом пополам закончившие школу, уже прикидывают, на чем бы сделать бизнес, что купить и перепродать», — писали читатели «Известий» в 1979 г.¹⁸¹ Юнцы повзрослеют и составят костяк новой социальной «общности» новых русских. Не очень грамотных, но очень хватких. А пока их сверстники, отличившиеся большей грамотностью и не уступавшие цинизмом, равнодушные ко всякой идеологии, но хорошо осведомленные о номенклатурных привилегиях, делали карьеру в комсомольских органах. Близились время великого передела собственности.

«Омоложение» страны в результате общего роста благосостояния и последствий послевоенного роста рождаемости оказалось «бомбой замедленного действия», грозившей подорвать институты «развитого социализма», с которыми молодежь не была связана психологически.

Поколенческий кризис был предпосылкой еще более серьезного для целостности Системы явления — массового перехода от одной стадии психологического развития к другой. Это явление — частный случай общих закономерностей общественного развития¹⁸² (см. Приложение). Неспособность системы решить бытовые проблемы, справиться с другими кризисами (разрушение природы, социальная несправедливость, бездуховность и т.д.), приводило к тому, что, по мере развития общей культуры населения, все

большее количество людей начинало мечтать о переменах. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению соответствующей информации, даже когда телевидение, радио и газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями своей собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Однако даже если большинство признавало справедливость и оправданность существующих порядков, ощущение «Так жить нельзя» и «Мы ждем перемен» становилось доминантой социальной психологии. Растущая дистанция между социальными ожиданиями, планкой осознаваемых потребностей (не только материальных) и реальностью приводили к резкому возрастанию уровня «пассионарности» (готовности к социальному действию) в обществе. По существу, в СССР не осталось ни одной значительной социальной группы, которая была бы довольна своим положением. Почти все, за исключением узкой группы старцев, в руках которых как раз и находилась вся полнота власти, стремились к преобразованиям. Только характер, цели и методы этих преобразований виделись по-разному. «Кризис назрел».

Недовольство, вызревающее в обществе, не могло, тем не менее, вылиться в формы массового политического протеста в масштабах всей страны. Во-первых, в СССР не существовало легальной оппозиции. Во-вторых — возникал эффект «фальш-старта» — борьба за место под солнцем, за новую расстановку социальных сил могла начаться только одновременно. Всякая социальная группа, которая рискнула бы начать такую борьбу прежде других, неминуемо должна была вызвать недовольство остальных и быть подавлена.

Сигнал к нарушению равновесия, к «перестройке» могла подать лишь группа, неуязвимая со стороны остальных. Таковой в СССР начала 80-х была только правящая олигархия. Но свою неуязвимость реформистская группа в высшем руководстве могла сохранить только при условии крайне осторожных действий, усиления своей защищенности со стороны окружающих ее бюрократических структур, имевших иное представление о необходимых переменах. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело ключевое значение для выбора варианта реформ и момента их начала.

Важность сигнала к началу преобразований даже породило иллюзию того, что сама Перестройка была вызвана исключительно доброй (злой) волей со стороны высшего руководства страны. Однако в середине 80-х гг. стремление к переменам приобрело массовый характер.

Социальная система СССР уже несколько десятилетий развивалась по пути постоянного усложнения и далеко ушла от «плавильного тигля» 30-х гг. Появление все новых страт, все новых социальных субъектов со своими задачами в ограниченном ресурсном пространстве вело к росту социальной напряженности, к нарастанию линий потенциальных конфликтов. Уже обсуждение Конституции 1977 г. позволяло выявить важнейшие из них. Рано или поздно они неминуемо должны были вызвать всеобъемлющий кризис существовавшего индустриально-этакратического общества и смену вектора развития от дисперсии к

синтезу. В этой смене и заключается смысл последующего периода. Такой «разворот» не может обойтись без социальной конфронтации. Собственно, Перестойку можно охарактеризовать как период конфронтации в развитии индустриально-этакратического общества.

Всеобъемлющие геополитический и структурный кризисы не оставляли надежд на сохранение периода равновесия («застоя»). Социальное напряжение угрожало придать этим изменениям неуправляемый со стороны номенклатуры характер. Чтобы избежать революции, нужно было возглавить ее. Бюрократическая олигархия, опередившая в своем психологическом развитии собственное общество, переходила к реформам, которые должны были преодолеть инерцию равновесия. Не сознавая этого, олигархия будила самостоятельные силы, вызревшие в обществе, где тоже возникли ядра, опережавшие время и стремившиеся приблизить будущее.

Приложение

Я бы хотел остановиться на системе исторических координат, в которых провожу исследование. Автор придерживается концепции, в соответствии с которой **развитие человека и человечества фрактально. В истории общества и жизни личности можно выделить несколько этапов с определенными признаками, которые в свою очередь состоят из подо́анных этапов с теми же признаками, но меньшей интенсивности, и так далее***. Кратко перечислим основные фазы пройденного человечеством пути (эпохи, формации):

Примеры более масштабных эпох (формаций), состоящих из периодов и аналогичных им:

Формирование (часто эта эпоха известна как «военная демократия»):

— Формирование традиционных норм, определяющих принципы социального устройства, и поддержание авторитетом общества неуклонного соблюдения уже сформированных норм.

— Формирование социальной элиты и ее кланов, возникновение элементов государственности и эксплуатации (устойчивого неэквивалентного обмена).

*БолееяподробнаяямеэаниэяэтогояявленияяэмяШубиняАЭЭРитмыяисто- р, , элПер, од, ческаяяеор, яяобщественнояяразв, т, яэМэя996э

— Внутренняя конфликтность формирующейся элиты. Кланов элиты и другие новые социальные слои еще тесно связаны с остальным обществом и между собой.

— Формирование секторов экономики, основанных на эксплуатации, постепенная концентрация ресурсов в распоряжении элиты.

Этакратия (в разных традициях характеризуется как «древность», «рабовладельческая формация», «азиатский способ производства», «раннефеодальное общество»):

— Резкое усиление власти социальной элиты, ее консолидация в противостоянии остальному обществу (населению), разрушение или значительное ограничение механизмов контроля за элитой со стороны общества.

— Все структуры социума подчиняются руководству центра, а несовместимые с этим структуры уничтожаются. Такая же перестройка проходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

— Широкое применение внеэкономических форм принуждения к труду (рабство). Внедрение крупных хозяйственных форм.

— Распространение «гигантомании» на сферу культуры.

— Повышение агрессивности внешней политики.

Феодализм:

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, медленное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывает жесткие репрессии.

— Господство автономных кланов элиты (как правило, по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центру. Последний пытается приобрести социальную поддержку вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономической системы.

— Рост роли духовной культуры в регулировании жизни общества. Усиление социального значения идеологических дискуссий в рамках господствующей доктрины. Преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и неконформизма.

Раннеиндустриальное общество («позднефеодальная» эпоха, аграрно-индустриальное общество, часто время «абсолютизма»):

Феодальный и индустриальный сектора сосуществуют в относительном равновесии (последний усиливается). При этом бюрократия, ослабленная в предыдущую эпоху, также укрепляется, балансируя на противоречиях традиционной и новой элиты.

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства (иногда — в форме абсолютной монархии, иногда — в форме олигархии), консерватизм политической системы.

— Рост новых индустриальных отношений. Попытки их государственной регламентации. Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

— Национально-территориальная консолидация.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полунелегальную сферу, их рост, несмотря на ограничения.

— Рост неконформизма (несмотря на преследования), не признающего (в отличие от предыдущих ересей) основы господствующей доктрины и критикующего ее с «рациональных» позиций.

Конфронтация (эпоха революций и «свободного капитализма»):

Становление индустриального общества и постепенное разрушение им традиционного уклада естественно приводит к новому кризису.

— Нарушение сложившихся социальных связей в борьбе различных сил за передел сфер влияния в обществе. Внутренний социальный кризис. Ломка традиционных структур и повышение социальной мобильности. Раскол элиты и других слоев, формирование неустойчивых партийных блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния элиты и населения).

— Структурная перестройка экономики, нестабильность экономической ситуации, спонтанность хозяйственного развития, разрушительные экономические кризисы.

— Усиление информационного обмена в обществе, его идеологизация и политизация, манипулирование массовым сознанием, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в будущем.

— Ослабление государственной власти, рост экстремизма и политического насилия в обществе.

Индустриально-этакратическая эпоха («реальный социализм» и «государственно-монополистический капитализм»):

— Компромисс социальных слоев, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Ослабление самостоятельной политической активности населения, его мобилизация режимом через систему массовых организаций.

— Расцвет манипулирования массовым сознанием через систему средств массовой информации. Всеобщий охват населения системой коммуникаций.

— Ослабление связи режима с традициями общества, что, как правило, делает социально-политическую конструкцию неустойчивой.

— Государственное регулирование экономики как путь преодоления экономической нестабильности.

Каждая такая эпоха состоит из подобных эпохам периодов. Поскольку переживаемая ныне человечеством эпоха по-видимому не является последней, периодов больше:

Формирование (в частности СССР в 1922—1929 гг.):

— Фактическое признание большинством общества новых принципов социального устройства (принципов комплектования элиты, ее взаимодействия с основными социальными слоями, порядка доступа к общественному богатству и власти).

— Установление баланса между основными социальными слоями новой эпохи, нарушения которого носят вспышечный характер.

— Формирование новой социальной элиты и ее кланов.

Новые социальные слои, которые стали доминирующими в этой эпохе, еще тесно связаны со старыми и между собой.

— Расширение сектора (секторов) экономики, который будет определять ее развитие в новой эпохе.

— Относительно динамичное, в сравнении с предыдущим и последующим периодами, развитие различных секторов экономики и социальных укладов в жестко поддерживаемых элитой социально-политических рамках.

Реакция (в частности СССР в 1929—1956 гг.):

— Резкое усиление власти социальной элиты, ее внутренняя централизация, разрушение механизмов контроля за элитой со стороны общества.

— Разрушение сложившихся общественных структур и их перестройка на принципах жесткого административного управления. Вся легальная жизнь общества подчиняется руководству центра, а несовместимые с этим подчинением социальные структуры уничтожаются. Такая же перестройка происходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

— Снижение эффективности хозяйства, что компенсируется широким применением внеэкономических форм принуждения к труду.

— Внедрение крупных, легче управляемых хозяйственных форм, ориентированных на военное производство, что приводит к экономическим диспропорциям.

— Распространение «гигантомании» на сферу культуры, уничтожение неподконтрольных культурных форм (часто вместе с носителями).

— Повышение агрессивности внешней политики.

Патернализм (в частности СССР в 1956—1965 гг.):

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, постепенное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывает жесткие репрессии.

— Интенсивное формирование кланов (объединений) элиты (как правило по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центральному руководству. Последнее пытается использовать популистские методы для приобретения социальной поддержки вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономического регулирования, реформизм, смена диспропорций (старые диспропорции сглаживаются, затем нарастают новые).

— Активизация культурной жизни в широких слоях общества, но преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и неконформизма.

— Во внешней политике страна эффективнее в обороне, нежели во внешней экспансии.

Равновесие (в частности СССР в 1965—1986 гг.):

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства, консерватизм политической системы.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полунелегальную сферу. Борьба с неконформизмом, который оформляется в оторванные от общества течения (диссидентство).

— Экономический рост с тенденцией к затуханию.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

— Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.

— Национально-территориальная консолидация.

Конфронтация (в частности СССР в 1986—1993 гг.):

— Нарушение сложившихся в обществе связей в борьбе различных социальных сил за передел сфер влияния в обществе.

— Раскол элиты и других слоев общества, формирование неустойчивых блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния правящей элиты и остальных слоев).

— Структурная перестройка экономики, попытки ее модернизации, нестабильность экономической ситуации, как правило — экономический кризис.

— Политизация общества, политические преобразования, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в следующую эпоху.

— Падение авторитета власти, рост экстремизма в обществе, всплески политического насилия и этноконфликтов.

— Ослабление внешнеполитических позиций страны, возможно вовлечение ее в разрушительные внешнеполитические авантюры.

Нормализация:

— Компромисс кланов элиты, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Политическая пассивность населения.

— Консерватизм и неустойчивость режима. Сохранение давления на властную элиту со стороны других социальных слоев.

— Экономическая нестабильность, но постепенный выход из кризиса.

Интерграция:

— Стабильность и равновесие социальных сил, их социально-культурное дистанцирование.

— Относительное равновесие экономического развития, повышение благосостояния большинства населения, поддержка «бедных». Постепенное торможение развития в результате консервации институтов социально-экономического регулирования.

— Умеренный плюрализм в политике, сосуществующий с конфликтами в сферах соприкосновения основных социальных слоев, сохранение политического и идеологического экстремизма части оппозиции.

— Усиление структур гражданского общества.

Синтез:

— Ускоренный рост новых социальных слоев и отраслей экономики.

— Демонтаж структур старого экономического уклада при консервации политического режима.

— Подавление социальных выступлений против этой структурной перестройки. Возможны чистки и в среде правящей элиты.

— Быстрое расслоение общества.

— Укрепление идеологических и социально-политических течений, стремящихся к изменению принципов социального устройства, определяющих развитие существующей эпохи.

Импульс:

— Своего рода «революция», в которой определяются принципы построения новой общественной системы, тот или иной вариант ее развития. Как правило, этот период крайне непродолжителен, хотя иногда затягивается и на годы. Его основные черты:

— Быстрый перебор различных вариантов развития, к которым страна будет затем возвращаться на протяжении всей эпохи.

— Борьба идейно-политических течений, которые предлагают различные формы грядущего социального порядка, и утверждение одной из этих форм.

— Неустойчивость политической структуры.

Периоды в свою очередь состоят из подобных стадий, и те устроены так же. Правда, на этом уровне некоторые состояния уже можно «обходить» (на уровне эпох и периодов это возможно лишь в отношении «реакции»). Фазы

любого уровня взаимодействуют с культурными стереотипами страны — могут гармонизировать или дисгармонизировать с ними (исходя из этого можно классифицировать культурные особенности стран в соответствии со стадиями развития, которые благоприятны для них). Поэтому одни и те же фазы переживаются разными странами по-разному. Но перечисленные черты соблюдаются практически «неукоснительно». Объяснение этого явления, предложенное автором в указанной выше работе не бесспорно, но само явление наблюдается на примере десятков народов, и автору пока не удалось найти нацию, которая развивалась бы иначе.

Из вышесказанного видно, что советское общество как целое переживало период равновесия в рамках индустриально-этакратической эпохи (эквивалент нормализации). Ряд народов СССР отставал от этого состояния. То же можно сказать и об отдельных людях. Общество и человек формируют друг друга и подобны друг другу качественно. Поэтому естественно, что в своем индивидуальном развитии человек сначала «догоняет» общество, проходя те же самые периоды, а затем, при определенных условиях, обгоняет свое время и даже тянет общество за собой. В этом случае «великану» приходится нелегко. Индивидуальные состояния также входят во взаимодействие с состояниями, которые переживает общество — «резонируют» или дисгармонируют. Примеры этого мы увидим в этой книге.

Перечислим основные стадии индивидуального развития:

— Человек формирующийся: становление человека, выстраивание базовых, первичных отношений со средой, в том числе социальной).

— Человек утверждающийся (аналог реакции): социализация вне семьи, первичное самоутверждение, освоение волевых качеств.

— Человек юный (аналог феодализма): множественность и перебор интересов, хаотическое познание мира, «первая любовь», следование за лидером («старшим») и бунт против большинства «старших».

— Человек иерархический.

— Человек идейный.

— Человек прагматический.

Существуют и более развитые состояния, но они в современном обществе встречаются крайне редко и на ход событий 70—80-х гг. прямого воздействия не оказывали. Добавим также, что, проходя каждую из фаз индивидуального развития, человек фрактально проходит также череду стадий, из которых состоят периоды. Его базовые психологические стереотипы, большинство из которых формируется в детстве, гармонируют с определенными стадиями развития. Как правило, у человека существует три комплекса таких стереотипов, по-разному активизирующиеся на разных стадиях развития. Как мы увидим, все это приводит к резким изменениям в поведении человека в разные периоды его биографии, что может казаться современникам парадоксальной метаморфозой или проявлением неискренности, «предательства» более ранних идеалов.

Кратко описанные здесь закономерности являются не жестким каркасом, сковывающим исторический процесс, а системой координат, позволяющих объяснять некоторые особенности исторического «климата» и на-

ходить направление противоречивых исторических течений. Каждый специалист волен пользоваться собственной системой координат, что касается автора этой книги, то история доказала ему: весь путь человечества отражается в каждом его эпизоде.

Читатель может не разделять этого мнения автора и не интересоваться им. В этом случае ему придется пропустить всего несколько абзацев, поясняющих место происходящих событий в принятой автором системе координат и связанных с этим причин происходящего. В конце концов даже не рассматривая эпопею нашей жизни последних десятилетий на фоне гармонии истории, в ней можно почерпнуть немало интересного.

Как уже упоминалось, в своем развитии человек проходит ряд психологических стадий, отчасти повторяющих развитие человеческого общества. Нас в этом отношении интересует внезапный всплеск социальной активности прежде спокойного и законопослушного человека, который вдруг превращается в активного противника существующего положения вещей, иногда экзальтированного разрушителя, иногда — конструктивного социально-го творца (как правило, в жизни возникает сочетание этих крайностей), но в любом случае — общественного или духовного деятеля. На этом рубеже можно резко изменить образ поведения и род занятий, броситься в эзотерические и религиозные поиски или участвовать в «революции» — в масштабах своего коллектива или всей страны. Конкретный выбор зависит от уровня культуры, сложившихся интересов и знакомств, самого повода перехода. Всплеск социальной и духовной активности человека — явление не случайное и при достаточных темпах психологического развития — неизбежное. Оно является частным случаем перехода от психологического состояния, которое мы обозначим термином «человек иерархический», к состоянию, которое мы будем называть «человек идеологический». Первое состояние мотивируется прежде всего материальными интересами: продвижением по лестнице карьеры, роста материального благосостояния, семейного благополучия и т.п. В основе второго лежат построенные или усвоенные человеком идеальные модели. Понятно, что материальные запросы «обычного» человека, которые представляются ему реальными, не так далеко отстоят от существующего положения дел. Человек планирует рост зарплаты, материальные приобретения, решение семейных проблем. Естественно, что не все эти планы осуществляются. Это приводит к накоплению отрицательных эмоций, увеличению «разницы потенциалов» между намеренными человеком рубежами будущего и реальным положением вещей, поиску причин жизненных неудач, которые можно найти в общественном устройстве, глобальных проблемах. Таким образом, в сознании формируются две модели действительности: существующей (негативной) и оптимальной (за которую следует бороться). «Разница потенциалов» между этими двумя мирами гораздо больше, чем различие между реальностью и должным у «человека иерархического». Человек идеологический готов пожертвовать очень многим (при определенных условиях и жизнью) ради осуществления своего идеала. Его действия мотивированы идейно-духовной сферой, и социально-экономические мотивы имеют значение в том случае, если

они являются частью модели «человека идейного». Очевидно, что в период социального кризиса упомянутая «разница потенциалов» быстро растет у большого числа людей.

В условиях стабильного авторитарного режима (в частности, СССР 70-х гг.) возможности преодоления «разницы потенциалов» в идейной сфере крайне ограничены, и происходит очень большое накопление соответствующей психологической «энергии». В то же время даже в более свободных условиях непросто решиться на то, чтобы покинуть привычный, устойчивый, но опостылевший иерархический мир и броситься «на штурм неба» (тем более, что картина «неба» еще не достроена). Как правило, роль последнего толчка играет пример тех, кто уже перешел грань между «человеком иерархическим» и «человеком идеологическим». Так обеспечивается эффект «снежного кома», когда небольшая группа людей может увлечь за собой значительные массы прежде инертного населения. Отсюда — опасения режима по поводу микроскопических диссидентских групп, стремление не только изолировать от них психологически близкие слои элиты, но и допустить реализацию духовного потенциала общественно-активных и не вполне лояльных людей в «мирных» направлениях (см. Часть IV).

«Иерархический человек» на завершающей стадии этого психологического состояния постоянно ищет выход или конструирует собственную доктрину и группу единомышленников под нее, он стучится во многие двери, и одна из них рано или поздно открывается.

«Человек идеологический» — носитель значительной психологической энергии. Что бы ни происходило в это время в стране, он ведет себя как революционер. Любое его движение — «судьбоносно», любое событие — «грандиозно», высказывания — категоричны (вычерчивается прямая линия от реальности к цели). Важно отличать это состояние от юношеского максимализма, который часто бывает проявлением еще более ранних стадий, о которых мы здесь не говорим. «Человек идеологический» может быть и юношей, и пожилым человеком. В случае, если возникает значительная масса «революционно настроенных» личностей в среде общего социального недовольства, революционное движение быстро растет, и психологическая энергия «идеологических людей» может найти выход в заметном преобразовании общества. Модель политики, возникающая в оппозиционной среде, получает шанс на превращение в социально-политическую доминанту страны.

Понятно, что в СССР первой половины 80-х гг. лишь меньшинство населения подошло к состоянию «позднеиерархического» человека, остальных «расшевелит» лишь драматический социальный опыт 80-х—90-х гг. Но и накануне Перестройки это было массовое меньшинство, активизация которого могла привести к серьезным социальным переменам и потрясениям.

Важно отметить, что некоторая часть элиты уже прошла «революционный» период в прошлом. Этот очень важный фермент общества относится к следующему психологическому типу — «человеку прагматическому». Психологический механизм дальнейшего перехода естественно вытекает из обстоятельств формирования «человека идеологического». По

мере борьбы «революционера» за приближение своих идеалов дистанция между моделью существующего и моделью идеала действительно сокращается. С одной стороны, удается добиться частичных успехов (приблизиться к идеалу), с другой стороны — выявить свои ошибки (коррекция идеала в сторону «снижения планки»). Человек становится мудрее, прагматичнее, устает. Итог — переход от «человека идеологического» к «человеку прагматическому» — во многом похожему на «иерархического», но с одним принципиальным отличием: он не отказался от той части прежних идей, которая прошла проверку временем. Но в то же время он понял, что достичь своих «идеальных» целей можно только с определенного «плацдарма», который предстоит выстроить в существующем иерархическом мире. Уставший революционер готов снова стать благопорядочным гражданином, причем, как правило, преуспевающим (помогают наработанные в предыдущий период опыт и связи). Он готов частично интегрироваться в Систему ради ее грядущего изменения. Но именно эти люди (в конкретных условиях 80-х гг. — в большинстве своем «шестидесятники») обладали наибольшим политическим опытом и способностью использовать ситуацию для достижения своих целей. В середине 80-х гг. прагматики дождались своего часа. Начиналась прагматическая революция.

Примечания

1. Фишбах М., Френдли А. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении. М., 1992. С. 38.
2. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 277.
3. Вайнер Д. (Уинер). Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991.
4. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 268.
5. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 112. Л. 199—200.
6. Там же. Л. 201.
7. Там же. Д. 91. Л. 13.
8. Environmental Deterioration in the Soviet Union and Eastern Europe. Ed. by I.Volgyes. NY., 1974. P. 41
9. Внуки нам не простят. Куйбышев, 1991. С. 13, 17.
10. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 28.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 269.
12. Там же. С. 271.
13. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 2.
14. Минашина Н.Г. Экологические последствия мелиоративно-водохозяйственного строительства в бассейне Аральского моря // Экологическая альтернатива. М., 1990. С. 364.
15. Там же. С. 367.
16. Омельчук А.К. Раненая земля // Экологическая альтернатива. С. 393.
17. Сидоренко Г.И., Крутько В.Н. Сохранить здоровье нации // Экологическая альтернатива. С. 771.
18. Там же. С. 772.
19. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 81.

20. Сидоренко Г.И., Крутько В.Н. Указ. соч. С. 765—766.
21. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 214. Л. 25.
22. Безуглая Э.Ю., Расторгуева Г.П., Смирнова И.В. Чем дышит промышленный город. М., 1988. С. 73—74.
23. Там же. С. 71.
24. Там же. С. 73.
25. Там же. С. 190.
26. Болдин В.И. Указ. соч. С. 29.
27. Сидоренко А.К., Крутько В.Н. Указ. соч. С. 761.
28. Там же, С.763, 767.
29. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 3.
30. Население России. Ежегодный демографический доклад. Евразия. 1993. № 4. С. 49.
31. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 91.
32. Там же. С. 92.
33. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 74.
34. Там же. С. 3.
35. Там же. С. 2.
36. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 38.
37. Илларионов А.Н. Национальный плюрализм и экономика // Ожог родного очага. 1990. С. 86, 88.
38. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 259. Л. 6—7.
39. Там же. Д. 246. Л. 12.
40. Илларионов А.Н. Указ. соч. С. 82—83.
41. Там же. С. 84.
42. Там же. С. 85.
43. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 89.
44. Там же. С. 86.
45. Население России. С. 97.
46. Там же. С. 102.
47. Население России. С. 102.
48. См.: Алексеева Л. История инакомыслия в России. М., 1992. С. 106—107.
49. См.: ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 91. Л. 11—18.
50. Там же. Д. 89. Л. 67; Д.110. Л. 55—57.
51. Там же. Д. 153. Л. 6, 25.
52. Там же. Оп. 75. Д. 146. Л. 19.
53. Там же. Л. 2.
54. Алексеева Л. Указ. соч. С. 84—85.
55. Иуда был не один... // Наше дело. 1990. № 3.
56. Алексеева Л. Указ. соч. С. 85.
57. Подробнее см.: Шараев Ю. О трагических событиях в Орджоникидзе. Изд. МНФ. б. д.; О массовых беспорядках с 1957 года... // Источник. 1995. № 6. С. 151.
58. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 297; о том же свидетельствует: там же. Д. 259. Л. 3
59. Там же. Ф. 89. Оп. 11. Д. 192. Л. 3, 10.
60. Там же. Л. 4.
61. Там же. Л. 4—6.
62. Там же. Л. 6—7.
63. Там же. Л. 8.
64. Кудрявцев И. Латыши, русские, народный фронт и правовое государство // Община. № 25 (1989). С. 14—16.
65. Там же. С. 16.

66. Население России. С. 58.
67. Там же. С. 64—65.
68. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 14—15.
69. Там же. Оп. 75. Д. 259. Л. 3.
70. Авторханов А. Империя Кремля. Вильнюс, 1990. С. 151.
71. Там же. С. 143.
72. Печенев В. Горбачев: к вершинам власти. М., 1991. С. 88.
73. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 11.
74. Горбачев М. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 122.
75. Там же. С. 123.
76. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 7, 44, 154; Д. 90. Л. 10, 30, 45; Д. 91. Л. 4.
77. Там же. Д. 89. Л. 104.
78. Там же. Д. 139. Л. 260.
79. Там же. Д. 90. Л. 4.
80. Там же. Д. 166. Л. 195.
81. Там же. Д. 105. Л. 3.
82. Там же. Д. 93. Л. 165.
83. Там же. Д. 166. Л. 182, 190, 194, 196.
84. Там же. Д. 94. Л. 63.
85. Там же. Д. 166. Л. 185.
86. Там же. Д. 103. Л. 60.
87. Там же. Д. 91. Л. 12.
88. Там же. Д. 118. Л. 55.
89. Там же. Д. 89. Л. 69; 154; Д. 92. Л. 76.
90. Там же. Д. 139. Л. 36.
91. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 177.
92. Там же. Д. 93. Л. 85.
93. Там же. Д. 105. Л. 286.
94. Там же. Д. 139. Л. 37—38.
95. Там же. Д. 112. Л. 3—5.
96. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 92. Л. 57.
97. Там же. Д. 93. Л. 204.
98. Там же. Д. 105. Л. 213.
99. Там же. Д. 94. Л. 2.
100. Там же. Д. 139. Л. 36.
101. Там же. Д. 139. Л. 66.
102. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 6; Д. 91. Л. 8, 9.
103. Там же. Д. 139. Л. 166.
104. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 103. Л. 84.
105. Там же. Д. 166. Л. 99.
106. Там же. Д. 112. Л. 53.
107. Там же. Д. 139. Л. 287—298.
108. Там же. Л. 267.
109. Там же. Д. 139. Л. 18, 185.
110. Там же. Д. 105. Л. 112.
111. Там же. Д. 166. Л. 98.
112. Там же. Д. 118. Л. 33.
113. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 118.
114. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 16.
115. Горбачев М. Указ. соч. С. 186.

116. Шубкин В. Указ. соч. С. 121.
117. Гуров А. Организованная преступность в СССР // Погружение в трясину. М., 1991. С. 177.
118. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 112—113, 155—156.
119. Подробнее см.: Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С. 13—16, 148—164, 168—171.
120. Шубкин В. Указ. соч. С. 122—123.
121. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 30.
122. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 91. Л. 3.
123. Гуров А. Указ. соч. С. 60.
124. Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину. С. 655.
125. Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 20.
126. Амальрик А. Указ. соч. С. 651—652.
127. Под гражданском слоем автор понимает слой людей, совмещающих функции производства продукта, принятия производственных решений и интеллектуального творчества. Подробнее см.: Шубин А. Гармония истории. М., 1992. С. 287; Шубин А. Ритмы истории. М., 1996. С. 48—49.
128. Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1985. С. 33.
129. Сагдеев Р. Где мы потеряли темп? // Известия. 1988. 27 апреля.
130. См.: Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
131. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 115.
132. Гордон Л.А., Комаровский В.В., Назимова А.К. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М., 1988. С. 40.
133. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2
134. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 74.
135. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 105. Л. 21.
136. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 9
137. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 95. Л. 55.
138. Буковский В. И возвращается ветер... Письма русского путешественника. М., 1990. С. 239.
139. Заславский В. Организованный консенсус. С. 4. // Сборник самиздата. Сост. В.Прибыловский. М., 1984. Архив Шубина А.В.
140. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 109.
141. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 235.
142. Там же. Оп. 84. Д. 18. Л. 12.
143. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Франкфурт на Майне, 1981. С. 158—162.
144. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2
145. Там же. Л.3.
146. Корсетов В. Беседа с автором. 19 июня 1992.
147. Мацкявичус К. Дисциплина и коллектив // Правда. 1983. 9 августа.
148. Заславский В. Указ. соч. С. 6.
149. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 90. Л. 8; Д. 91. Л. 4; Д.92. Л. 57; Д. 93. Л. 6; Д. 101. Л. 72. Д. 102. Л. 57; Д. 103. Л. 147.
150. Там же. Д. 95. Л. 89.
151. Там же. Д. 139. Л. 95—100
152. Там же. Д. 92. Л. 143.

153. Там же. Д. 139. Л. 60
154. Там же. Д. 105. Л. 60.
155. Там же. Д. 139. Л. 58.
156. Там же. Д. 139. Л. 15.
157. Яницкий О.Н. Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 72—73.
158. Завершинский Д.М., Ключников С.А., Тукумиев Б.Г. Оценка в социологическом исследовании уровня внедрения коллективных форм организации труда // Социальные проблемы становления коллективных форм организации труда. Куйбышев, 1984. С. 15.
159. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 36.
160. Там же. С. 112.
161. Там же. С. 46.
162. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 31.
163. Подсчеты по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 168—170.
164. After Brezhnev. P. 197.
165. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 142.
166. Там же. С. 140.
167. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 172.
168. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. С. 102.
169. Исаев А. Кладбище утопий // Исаев А., Шубин А. Демократический социализм — будущее России. М., 1995. С. 36.
170. After Brezhnev. P. 195.
171. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 238.
172. Капитализм на исходе столетия. М., 1987. С. 219.
173. Год планеты. Выпуск 1993 года. М., 1993. С. 297, 299.
174. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 113.
175. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Указ. соч. С. 43.
176. См., например: Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 343.
177. Рубби А. Встречи с Горбачевым. М., 1991. С. 32.
178. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 74.
179. Криминологи о молодежных неформальных объединениях. М., 1990. С. 14.
180. О массовых беспорядках с 1957 года...
181. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 29.
182. См.: Шубин А. Ритмы истории. М., 1996.